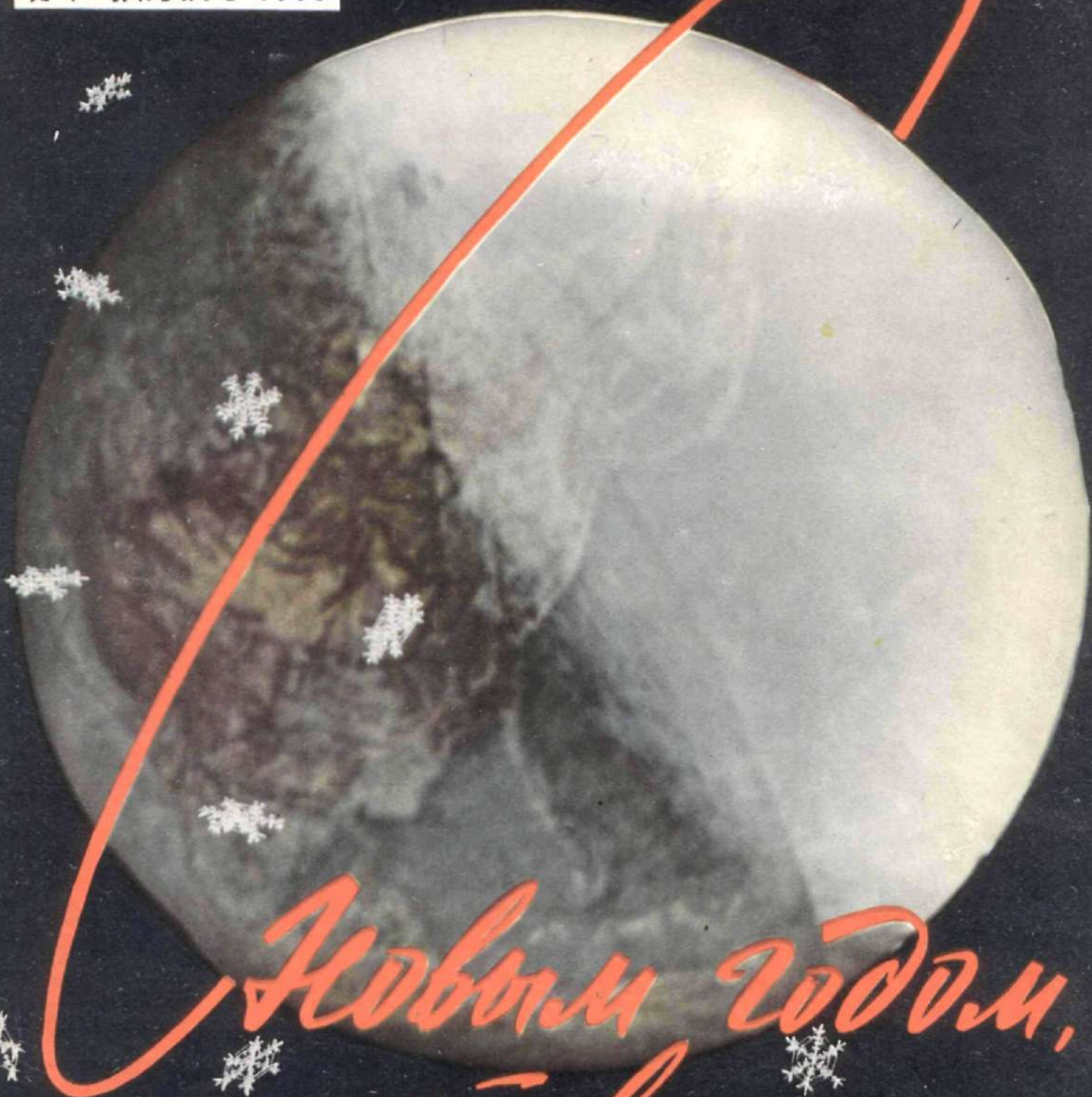

КРЕСТЬЯНКА

№ 1 ЯНВАРЬ 1963

*Новым годом,
товарищи!*

Плакат Виктора Иванова.

«ПУСТЬ РАЗУМ ВОСТОРЖЕСТВУЕТ НАД БЕЗРАССУДСТВОМ, ПУСТЬ МЕТОД ПЕРЕГОВОРОВ ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРНЫХ ВОПРОСОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖИЗНИ НАВСЕГДА ЗАМЕНИТ ОПАСНЫЙ МЕТОД «ПРОБЫ СИЛ»! ЛЮДИ ЗЕМЛИ МОГУТ И ДОЛЖНЫ ОБРЕСТИ, НАКОНЕЦ, СПОКОЙСТВИЕ И НЕ БОЯТЬСЯ, ЧТО ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ МОЖЕТ ПРИНЕСТИ ИМ ТЕРМОЯДЕРНЫЙ КОНФЛИКТ».

(Из доклада товарища Н. С. Хрущева «Современное международное положение и внешняя политика Советского Союза» на сессии Верховного Совета СССР 12 декабря 1962 года.)

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КРЕСТЬЯНКА

№ 1 ЯНВАРЬ 1963

41-Й ГОД ИЗДАНИЯ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЖУРНАЛ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

БОЛЬШОГО ХЛЕБА

Для наших бухгалтеров наступила горячая страда: окончен сельскохозяйственный год.

Стучат косточки счетов. Выразительным языком цифр рассказывает о делах колхоза годовой отчет.

Сравнишь этот отчет с не так уж давними—и как в зеркале видишь прежнюю Ильевку, с обветшалыми хозяйственными постройками, долгами в банке и неоплаченными счетами. В ту пору урожай зерновых был у нас 7—8 центнеров с гектара, и сдавали мы государству самое большее 50—60 тысяч пудов хлеба.

Совершенно иная картина в этом году: 760 тысяч пудов хлеба вырастил наш колхоз. В три с половиной раза больше, чем полагалось по плану, 422 тысячи пудов зерна продали мы государству. Поистине годом большого хлеба можно назвать минувший 1962 год.

Что же помогло нам вырастить такой урожай? Прежде всего то, что зерновое хозяйство стало подлинно индустриальным, механизированным. В нашем колхозе около десяти тысяч гектаров пахотных земель, из них более восьми тысяч занято зерновыми культурами. Без могучей техники уход за такими огромными площадями просто немислим. После реорганизации МТС колхоз закупил на 250 тысяч рублей сельскохозяйственных машин: почти вся техника МТС перешла в ведение артели.

Именно механизация помогла нам вырастить дешевое зерно: центнер его обошелся колхозу в 2 рубля 10 копеек.

Но машины машинами, а без хороших, умных хозяев чуда они не сотворят. Серьезно пришлось нам поразмыслить над повышением урожайности.

Земли наши плодородны, да климат не балует. С ранней весны до поздней осени обжигают стель горячие суховеи. На многолетнем опыте убедились мы, что чем глубже будет вспашка, тем выше урожай.

Но важна не только глубина, а и сроки вспашки. Чем быстрее вспашем поля, тем больше влаги накопит земля для будущего урожая. Раньше, случалось, подымали мы зябь месяцами. В нынешнем году к двадцатому сентября была вспашана и укатана катками вся площадь под урожаем 1963 года.

Однако для сохранения влаги в почве важно не только вовремя поднять зябь, но и быстро посеять весной. Сез мы проводим за 4—5 дней, не больше! Мы подсчитали, что один день оттяжки полевых работ влечет за собой потерю полцентнера зерна на каждом гектаре.

С 1961 года наше хозяйство серьезно взялось за наведение порядка в землепользовании. Мы сеели пшеницу по пшенице, не соблюдали правильного чередования культур, не знали «биографии» своих полей, а следовательно, плохо использовали землю. Все это наводило нас на мысль создать специальную книгу истории полей. Работать пришлось много. Но труд этот хорошо окупился. Мы теперь знаем, какими культурами и в какие годы засеивалось то или иное поле, после каких предшественников получен наивысший урожай, чем удобрялось поле. А зная все это, легче решать, какую культуру выгоднее сеять на нем.

Сolidную площадь — 2 тысячи 200 гектаров — занима-

ли у нас в хозяйстве так называемые бросовые земли. Долгое время они использовались лишь как весьма скудные пастбища и считались непригодными для зерновых культур. Но в этом году мы как следует обработали эти земли и посеели на них пшеницу. По весне поле покрылось пустыми всходами, а осенью мы собрали неплохой урожай — по тринадцать центнеров с гектара. Теперь у нас в колхозе не осталось ни одного гектара пустоши — вся земля работает на урожай.

Озимая пшеница в нашем хозяйстве — культура номер один. Но это не значит, что мы не уделяем внимания другим культурам.

Впервые в этом году посеяли горох. Он неплохо прижился на наших землях: дал по 18 центнеров зерна с гектара.

Хорошо родит и кукуруза. Ею мы засеваем 2 060 гектаров, 278 гектаров — на зерно, остальные — на силос. Ведь у нас в колхозе животноводство немалое, и без кукурузы кормами его не обеспечишь.

В хозяйстве 2 930 голов крупного рогатого скота, большое количество свиней, овец, птицы. Однако, если сравнить с зерновым хозяйством, то по доходности своей животноводство еще отстает. В этом разрыве между рентабельностью зернового хозяйства и животноводства сказалась наша медлительность. О «елочке» животноводы мечтали давно, но только в новом, 1963 году она начнет действовать. Задержались мы и с механизацией других ферм, но надеемся в ближайшее же время вывести животноводство из отставания: строим новый телятник, птичник на 15 тысяч голов, подводим к фермам водопровод.

Хорошо потрудились наши колхозники, хорошо и получили за свой труд. Полновесен, щедр наш трудовень: выдано авансом по 2 килограмма зерна, 60 копеек деньгами да еще другие продукты.

Из года в год растут доходы хозяйства, укрепляется экономика артели. Только за минувший 1962 год наше хозяйство получило 1 миллион 150 тысяч рублей дохода. Неделимый фонд колхоза составляет теперь 896 тысяч рублей.

Цифры, цифры... Они подводят итоги прошедшего года и намечают перспективы на будущее. А планы у колхоза большие.

Минувшей осенью посеяли мы 3 445 гектаров озимой пшеницы как наиболее урожайной культуры в нашем хозяйстве. Яровая пшеница дала нам в этом году по 11 центнеров с гектара, а озимая — по 21 центнеру, почти вдвое больше. Вот почему мы предоставляем ей широкую дорогу. «Зеленую улицу» откроем мы и гороху: 268 гектаров отведено под его посевы.

Славным был 1962 год, первый после XXII съезда партии. И мы счастливы, что внесли свой весомый вклад в дело коммунистического строительства!

Н. ВИКТОРОВ,
председатель колхоза «Россия».

Калачевский район,
Волгоградская область.

В ЭТИ ДНИ В КОЛХОЗАХ И СОВХОЗАХ СТРАНЫ ПОДВОДЯТСЯ ИТОГИ ГОДА МИНУВШЕГО, НАМЕЧАЮТСЯ ПЛАНЫ НА ГОД НЫНЕШНИЙ. ЗАПИСКА НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА ХРУЩЕВА В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС, РЕШЕНИЯ НОЯБРЬСКОГО ПЛЕНУМА ЦК ПОМОГАЮТ ТРУЖЕНИКАМ ПОЛЕЙ ЛУЧШЕ ОСМЫСЛИТЬ ВСЕ, ЧТО СДЕЛАНО И ЧТО ПРЕДСТОИТ СДЕЛАТЬ. О СВОИХ ДУМАХ, О ТОМ, ЧТО ИХ ВОЛНУЕТ, РАССКАЗАЛИ НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ КОЛХОЗНИКИ ИЗ СЕЛЬХОЗАРТЕЛИ ИМЕНИ 1-Й ПЯТИЛЕТКИ, ПОДГОРЕНСКОГО РАЙОНА, ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ.

КОГДА КАЖДЫЙ ХОЗЯИН

ВСЯКОЕ ДЕЛО ЛЮДЬМИ СЛАВИТСЯ,— сказала председатель колхоза, депутат Верховного Совета СССР Прасковья Лукьяновна Болбат.— Истина эта не нова. Однако, раздумывая над Запиской Никиты Сергеевича, над решениями Пленума ЦК, снова и снова возвращаюсь к ней.

За цифрами годового отчета, прямо скажу, радующими, потому что обязательства свои перед государством мы выполнили: продали зерна *вдаче* против плана, нет у нас долгов и по молоку и по мясу,— вижу я своих односельчан. Для большинства из них творческий труд стал законом жизни. А это значит, что

и, надо сказать, в какой-то мере с ней справились. На наших полях уже нет малоурожайных культур. Там, где еще два-три года назад были травы, мы выращиваем теперь кукурузу и пшеницу, сахарную свеклу и горох. И получаем с каждого гектара по 25—30 центнеров колосовых, по 30 центнеров гороха, по 35—40 центнеров кукурузы в зерне, до 300 центнеров сахарной свеклы.

Выросла урожайность — снизилась себестоимость. Центнер зерна колосовых и бобовых стоит теперь колхозу 1 рубль 23 копейки, кукурузы — 1 рубль 76 копеек, сахарной свеклы — 1 рубль 28 копеек. А еще года три назад все это

ни одна колосовая культура не давала в наших краях столько зерна!

На следующий год я предложила посеять кукурузу и на силос.

Мне возражали: да у нас трав вон сколько! Зачем же кукурузу-то?

Пришлось обратиться за помощью в райком партии. Меня поддержали. Кукуруза дала с гектара по 400 центнеров зеленой массы с початками в молочно-восковой спелости. В переводе на кормовые единицы это было в 10 раз больше, чем дал в том году гектар трав.

Теперь кукуруза занимает у нас в колхозе без малого треть посевных площадей. Она стала самой главной высокоурожайной культурой.

Второй культурой, которая потеснила травы, была сахарная свекла. А горох как бы завершил это наступление.

Потому и ушли в прошлое вечные жалобы животноводов на недостаток кормов. Да и корма стали дешевыми. А это существенно сказалось на себестоимости мяса, молока, яиц.

Но можем ли мы успокаиваться? Нет. У нас еще огромные неиспользованные возможности.

За последние пять лет средняя урожайность озимой пшеницы на наших полях без малого 25 центнеров. А с одного поля в 68 гектаров мы взяли по 36 центнеров на круг. Удобрено оно было, как и все остальные, но обработано несколько необычно. Вместо вспашки мы провели на этом участке двухкратное дискование. Весной дважды пробороновали. Думается, разница в урожайности объясняется тем, что озимая пшеница любит уплотненную почву. К тому же такая почва лучше сохраняет влагу. В нынешнем году этот прием мы применим на большей площади и надеемся на немалую прибавку в урожае. Увеличат производство зерна зернобобовые культуры, которые мы только начинаем понастающему осваивать. Ими мы будем занимать уже не 100, а 200—300 гектаров.

Очень порадовались мы, узнав из доклада Никиты Сергеевича Хрущева на Пленуме ЦК, что в 1966 году сельское хозяйство получит 41 миллион тонн минеральных удобрений против 17 в прошлом году. Значит, с каждым годом мы все лучше сможем заправлять наши воронежские черноземы и уверены, что тогда урожай зерновых в 40—50 центнеров будет рядовым.

НЕ ТЕРЯТЬ НИ ГРАММА МОЛОКА — вот первая заповедь каждой уважающей себя доярки,— убежденно

Агроном М. И. Скрыпникова (справа) вместе со зяневой Т. А. Киктенко осматривают новую сеялку.

люди не только добросовестно работают, но и активно участвуют в управлении делами артели, нередко подсказывают правлению, как лучше справиться с тем или иным делом. С ними я и советую вам поговорить.

ГЕКТАРУ — ПОЛНУЮ НАГРУЗКУ — такую задачу поставили мы перед собой,— начала свой рассказ агроном колхоза Мария Ивановна Скрыпникова,—

обходилось нам втрое-вчетверо дороже. Такой резкий скачок произошел потому, что новое правление колхоза взяло верный курс на пропашную систему земледелия.

Раньше мне приходилось воевать за распашку каждого гектара трав, а они занимали половину посевных площадей. Помню, в 1956 году после больших споров распахали мы 30 гектаров и на этой площади посеяли кукурузу на зерно. Собрали по 40 центнеров с гектара.

сказала Нина Григорьевна Молчанова. — За одиннадцать месяцев я надоила по 2 400 литров молока от коровы. Их у меня четырнадцать. Не отстают от меня и подружки. На нашей ферме в среднем от коровы надоили по 2 300 литров. А вот на ферме беспривязного содержания скота дела идут хуже. При тех же, а часто и лучших кормах там надоев меньше. Если учесть, что на «елочке» доится 178 коров из 320, имеющих в колхозе, то получается, что недобираем мы тысячи литров молока. А почему так произошло? Да потому, что многого не додумали наши руководители. Установка «УДС-1», которой пользуются доярки, рассчитана на одновременную дойку 5 коров. Чтобы подоить 178 коров, нужно три с половиной часа. Уже одно это сильно снижает надой. Слышала я также, что при беспривязном содержании разбивают коров на группы в зависимости от надоев и кормят и доят их отдельно: сначала — высокоудойных, потом — низкоудойных. Нет у нас и этого. Что нам надо? Нужна доильная установка самое малое на 12 коров. Нужен хотя бы на время опытный специалист, который бы научил доярок всем тонкостям машинной дойки.

ВО ВСЕМ НАДОБЕН ХОЗЯЙСКИЙ РАСЧЕТ, — вступила в разговор свинарка Екатерина Ивановна Коробкина, — тогда и порядок будет. Помню, попробовали мы в первый раз перейти на крупногрупповое содержание свиней. За неделю сразу же привесы снизились на 150 граммов на голову. Не было у нас еще в достатке кормов. Потому и отгнали сильные слабых от кормушек. Как двум свинаркам углядеть почти за тысячей свиней? Отказались от крупногрупп-

пового содержания. Решили: пусть себестоимость будет выше, но терять тонны свинины на снижении привесов нельзя.

Прошел год, появилось у нас вдоволь кормов, и снова мы перешли на крупногрупповое. И хорошо получилось. Привесы даже повысились, а свинина стала обходиться нам в 97 рублей за центнер. В следующем, 1961 году, уже в 82 рубля обошлась, а в прошлом году всего 60 рублей стоил центнер свинины. Почему же такое снижение? Ну, конечно, корма подешевели. А многое и от нас, животноводов, зависело: все новое, что узнаем в свиноводстве, к своей ферме примериваем и, если подходит, берем.

Посоветовали нам содержать маток с поросятами по две-три в одном станке. Выгоду мы сразу поняли. Можно вдвое-втрое увеличить маточное поголовье, не строя новых свинарников. Ведь строительство всегда на себестоимости сказывается. А тут такой выигрыш! Так мы и сделали.

Мы стараемся, чтобы случка маток проходила через месяц после опороса, а не через два, как это делается обычно. В бухгалтерии подсчитали, что это нововведение снижает себестоимость центнера свинины на 4 рубля, а годовой выход деловых поросят увеличится на 10 процентов. Как видите, есть за что бороться. И таких резервов у нас немало.

Свинарка Е. И. Коробкина.

МЕХАНИЗАЦИЯ — КЛЮЧ К ДЕШЕВИЗНЕ, — убежденно сказал Степан Данилович Солдаткин, бригадир механизаторов колхоза. — От того, как работает каждый механизатор, зависит стоимость центнера зерна, силоса, сахарной свеклы и прочих продуктов.

У нашего лучшего механизатора Горбулева центнер кукурузного силоса с

С. Д. Солдаткин озабочен: как сподручнее вытащить трактор?

початками в молочно-восковой спелости стоит 12 копеек, а у механизатора Соломатина — 40 копеек.

Почему такая разница? Соломатин севал небрежно, не получил точных квадратов. И потому кукурузу на его участке можно было культивировать только в одном направлении, да и то с трудом. Стала зарастать она сорняками. Пробовали пропалывать, да разве вручную толком пропалешь десятки гектаров!

В результате звено Соломатина получило лишь по 150 центнеров зеленой массы с гектара. Горбулев, который добился точных квадратов, быстро дважды прокультивировал свой участок и получил 300 центнеров. Вот вам цена халатности.

Приведу пример помельче. Сегодня я целый день убил, чтобы вытащить застрявший в реке трактор. Возгнал его туда молодой тракторист по неопытности. Считайте, на два дня трактор выбыл из строя. Чтобы его вытащить, пришлось «запрячь» еще три трактора. Значит, на непроизводительную, к урожаю отношения не имеющую работу мы затратили и горючее и труд людской.

А это тоже на себестоимости сказывается. Вот почему я считаю, что главное в нашей механизаторской работе — предельная добросовестность.

Мы решили: лучшие механизаторы должны обучить всем тонкостям мастерства своих менее опытных товарищей. Пример показал Степан Егорович Горбулев. Он подлинный мастер квадратно-гнездового сева и обучил этому искусству молодых механизаторов.

Но есть и еще один резерв, к использованию которого надо готовиться сегодня не одним механизаторам.

И здесь мне хочется сказать вот о чем: фермы пока механизировать мужчины, и у механизмов на фермах работают только мужчины. Думается, не к лицу нашим девушкам и женщинам стоять в сторонке от техники. На механизированных фермах будут заняты теперь не менее десяти механиков, электриков, машинистов. А вот если бы доярки, свинарки, скотницы могли сами обслуживать

все механизмы, тогда можно было бы обойтись одним механиком и одним электриком, которые следили бы за правильностью эксплуатации, за исправностью техники.

При такой постановке дела тоже немало снизилась бы себестоимость молока и мяса.

ПОБЕСЕДОВАВ С КОЛХОЗНИКАМИ, НАШИ КОРРЕСПОНДЕНТЫ СНОВА ОБРАТИЛИСЬ К ПРЕДСЕДАТЕЛЮ АРТЕЛИ ПРАСКОВЬЕ ЛУКЬЯНОВНЕ БОЛБАТ.

— В ЧЕМ ЖЕ «СЕКРЕТ» ТОГО, ЧТО В КОЛХОЗЕ САМАЯ ВЫСОКАЯ УРОЖАЙНОСТЬ И САМАЯ НИЗКАЯ СЕБЕСТОИМОСТЬ ПРОДУКЦИИ ПО РАЙОНУ? — СПРОСИЛИ ОНИ.

— Есть мудрая русская пословица, — ответила Прасковья Лукьяновна. — «Как аукнется, так и откликнется».

Почему у нас по совести работают? Да потому, что каждый знает: честный труд за колхозом не пропадет. Если уж принято на общем собрании решение о дополнительной оплате и механизаторам,

и полеводам, и животноводам, — все уверены: хорошо поработаешь, дашь сверхплановую продукцию — хорошо будет оплачен и твой труд.

Но справедливая оплата труда — это хоть и важнейшая, но одна сторона дела. Есть и еще «секрет»: забота о людях. Чем внимательнее колхоз к людям, тем рачительнее они к общественному добру.

Никто не упрекнет нас, что мы уделяем мало внимания строительству ферм и прочих хозяйственных помещений. Но очень важно и то, где проведет человек свой досуг, куда в горячую пору может привести мать своих малышей, какая крыша над головой у вдовы или пожилой колхозницы, которые сами не в силах строить.

Именно поэтому есть у нас и новый клуб, под стать любому городскому, и детский сад на 50 мест, и родильный дом. А заботу о строительстве жилых домов для тех, кто не в силах построить их сам, колхоз берет на себя. И бригадир строителей считает эти новостройки не второстепенными.

Чувствуют заботу и престарелые. У нас 200 пенсионеров. Для всех колхозников введены двухнедельные оплачиваемые отпуска. Все это, вместе взятое, и рождает у людей тот настрой, который

делает колхозника хозяином, думающим о том, как бы внести в артельный котел большую долю труда и сметки.

Сейчас мы ставим перед собой две задачи: неразрывно связанные между собой: в ближайшие годы резко увеличить производство зерна и продуктов животноводства. Нам надо прежде всего наращивать стадо. К концу семилетки мы должны иметь вдвое больше коров, не меньше 22—25 на 100 гектаров земли и втрое против прежнего свиней.

Тогда резко возрастет производство органических удобрений, а значит, и поднимется урожайность. Сделать все это мы в силах!

День нашей жизни — этот шаг в будущее. Это день творческого труда. И, чтобы каждый день наступивший был радостнее и полнокровнее дня прошедшего, надо нам одно — мир на земле.

В декабре была я на сессии Верховного Совета СССР. Едва успела вернуться, как один за другим стали заглядывать в правления колхозники. Пришли прямо с утренней дойки доярки. Спрашивают: «Были ли на сессии, когда докладывал Никита Сергеевич Хрущев о международном положении, иностранные дипломаты?». «Как же, были», — отвечаю.

— Значит, собственными ушами все слышали, — с удовлетворением сказала Наталья Ивановна Матюшенко. Помолчав, добавила убежденно: — Должна дойти до них наша правда!

И тут же с жалобой:

— Никак нам ленточный транспортер не установят на ферме. Три человека уборкой навоза заняты! Непорядок, Прасковья Лукьяновна. Поторопи механизаторов.

Не успела закрыться дверь за доярками, свинарь Иван Филиппович Баранников пожаловал. Расспросил о Москве, о сессии, о том, не привезла ли каких новинок по свиноводству, мол, с лучшими свинарками страны встречалась — есть они среди депутатов.

Коротенько ответила ему. Смотрю, мнется, не уходит.

— Ну, что у тебя, Иван Филиппович, выкладывай!

Начал мне на строителей да механизаторов жаловаться: медленно бетонированную дорожку от кормокухни к свинарнику прокладывают. Загорячился:

— Это же на производительности труда скажется. Прикинь: моторная тележка с баком для раздачи кормов есть. Была бы дорожка, пустили бы тележку — сразу четырех человек от тяжелой работы освободили. А это 4 тысячи рублей в год экономии!

И куда бы ни шла я в тот день, всюду встречали меня люди вопросами о Москве, о сессии. Но редкий человек забывал подсказать что-то дельное по хозяйству.

И очень мне хотелось, чтобы иностранные дипломаты, о которых спрашивали доярки, послушали, о чем говорят, о чем заботятся наши советские люди, хозяева своей земли.

Мирные дела волнуют нас, потому что строительство коммунизма — самое светлое, самое мирное дело на земле.

Председатель колхоза П. Л. Болбат.

РАЗУМНО, С УЧЕТОМ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Будто в наш адрес обращены слова Никиты Сергеевича Хрущева в его Записке Президиуму ЦК КПСС:

«Если в хозяйстве не хватает техники, нет людей для того, чтобы освоить земли, высвобождаемые из-под трав, то лучше пусть трава растет, чем распахать поле, посеять, например, сахарную свеклу, но не обработать ее и не получить ни сена, ни сахарной свеклы. Словом, все должно быть взвешено и сделано разумно, с учетом возможностей».

Прочитала я их и вспомнила раннюю весну 1962 года, общее собрание, на котором утверждали мы новую структуру посевных площадей.

Горячий спор разгорелся вокруг кукурузы. Район предписал нам расширить ее посевы до 500 гектаров, без малого в десять раз. Многие, в том числе и бригадир наш Василий Иванович Судаков, возражали против этого. Нельзя, говорили они, идти на такой риск. У нас в колхозе и на малых площадях кукуруза не дает хороших урожаев. А тут — 500 гектаров. Не управимся, завалим дело. Ведь и сахарную свеклу в этом году впервые сажать будем. А эта культура рук да рук требует. Техники-то для ее обработки у нас нет. Получится так, что не будет ни кукурузы, ни сахарной свеклы.

Однако большинством все-таки решили мы сажать 500 гектаров кукурузы. В числе голосовавших за нее была и я. Кто же оказался прав?

А прав-то был Василий Иванович и те, кто его поддерживал. Год выдался дождливый и холодный. Кукуруза урожая не дала, и пришлось площади, занятые ею, использовать как пары под озимые. Не хватало у нас сил обработать и сахарную свеклу потому, что рабочих рук в колхозе, прямо скажу, маловато. И вышло: за двумя зайцами погнались — ни одного не поймали. А почему? Да потому, что не взвесили по-настоящему своих возможностей, не посоветовались со своей хлеборобской совестью. Легче всего оправдаться: мол, сверху, из района на нас нажимали, а мы, дескать, люди маленькие. Это позиция обывателя. Будь я и мои товарищи, члены правления, принципиальнее — никто бы нас не заставил работать себе в ущерб.

И, прямо скажу, стыдно мне было смотреть в глаза своим товарищам по бригаде на собрании, где шел взволнованный, горячий разговор о Записке Никиты Сергеевича Хрущева, о решениях ноябрьского Пленума ЦК.

О чем же говорили люди? Прежде всего о том, что в нынешнем году надо в пять-шесть раз больше посеять кормовых бобов, которые дали по 300 центнеров замечательной, богатой белком зеленой массы с гектара. Второе расширить посевы гороха, не отказываясь и от сахарной свеклы, которая хотя и не дала у нас высокого урожая, но в некоторых хозяйствах области показала себя замечательно. Значит, надо поучиться ее выращивать.

Попробовать новые силосные культуры, такие, например, как мальва, дающая до 800 центнеров зеленой массы с гекта-

ра и хорошо переносящая холода. Что же касается кукурузы, то от нее мы тоже не откажемся, доставим семена ранне-спелых сортов, посоветуемся с учеными, но попробуем сначала растить кукурузу на значительно меньших площадях, стремясь всеми силами повысить ее урожайность.

Много говорили и о самой доходной нашей культуре — льне. Василий Иванович Судаков высказал такую мысль:

— Вот сеем мы, товарищи, в своей бригаде 100 гектаров льна. Доход от него получаем немалый — 700—800 рублей с гектара. А что, если сократить посеы льна гектаров на 30? Ведь чего греха таить, не всегда, особенно когда осень сырая, доводим мы всю тресту до дела. Силенок не хватает. А давайте попробуем так сработать, чтоб ни одна соломинка не пропала и весь лен самыми высшими номерами сдавать. Уверяю: в накладе не останемся. Будем брать не количеством гектаров, а качеством да высокой урожайностью. Тогда тот же гектар 1 500—1 600 рублей даст — вдвое против нынешнего.

Бригадира горячо поддержали все наши льноводки. Думаю, что правление прислушается к их голосу.

В этом большом разговоре вскрылся и еще один немалый резерв. На него указала старейшая наша доярка Павла Ефимовна Гульева.

— Я, товарищи дорогие, вот чем растроена: хоть и неплохо мы сработали в минувшем году, однако надо бы и к соседям заглядывать. Возьмем, к примеру, осеевскую бригаду. Земли там малость поменьше, чем у нас. Трудоспособных побольше. А во всех работах мы их обгоняем. Скажите, хоть раз мы задумались, почему? Не выходит ли, что мы живем по старинке: было бы у нас хорошо, а у других хоть трава не расти.

— Ну, это ты уж больно круто берешь, Ефимовна! — бросил ей кто-то реплику.

— Круто, говоришь? А ну-ка, Валентина, — обратилась ко мне Павла Ефимовна, — зачитай цифры по нашей да осеевской бригаде, какие мне показывала позавчера.

Встала я и познакомила собравшихся с такими показателями: в прошлом году осеевцы дали колхозу 55 789 рублей дохода, а мы — 105 289 рублей.

— Теперь понимаете, — горячо продолжала Павла Ефимовна, — полмиллиона на старые деньги недодали они колхозу. И выходит: одни землю родить учат, а другие только мучат. Значит, надо нам вмешаться в их дела. Видно, у правления силенок на это не хватает.

— Легко сказать, вмешаться, — перебила Павлу Ефимовну Ксения Носкова. — Я вон на сенокосе одну попрекнула: нечисто, говорю, подгребает. А она меня так отчитала, что я навеки зареклась других учить.

Павла Ефимовна хотела было возразить ей, но тут в разговор вступил Василий Иванович Ковряков.

— А учить надо! Мне за шестьдесят перевалило. Не похвальбы ради скажу: 600 рублей за прошлый год заработал. И в этом не меньше будет. Щербакову Виктору из осеевской бригады и сорока, поди, нет. А за нынешний год он 43 рубля 29 копеек заработал! С чего же он живет при своих-то заработках? Конечно же, не на заработанное честным трудом. И не один он такой там. Вот и надо призвать к порядку околоколхозных прихлебателей. На позор перед всем нашим колхозным миром выставить. А ты, — он глянул в сторону Ксенки, — «зареклась учить». Ежели мы не научим, кто же научит?

Решили мы на том собрании просить правление и парторганизацию колхоза создать специальную комиссию коммунистического контроля для борьбы с «огрехами» в наших больших колхозных делах.

Вот так, оглядываясь на минувший год, намечали мы себе рубежи на год будущий.

И скажу одно: хотя 1962 год был труднейшим из трудных, все-таки обеспечили мы скоту неплохую зимовку: заготовили по 5 тонн травяного силоса на корову, вдоволь сена. Хороший доход даст нам лен. Не сетуем и на зерновые: 10—12 центнеров на круг взяли. Перевыполнили и план продажи государству продуктов животноводства. Значит, дела обернулись не так уж плохо.

Мы хозяйева своей земли, и она по-настоящему будет вознаграждать нас только в том случае, если мы станем хозяйствовать на ней с умом, старательно, как учит нас партия.

В. КОВРЯКОВА,
член правления колхоза «Заветы Ильича»

Череповецкий район.
Вологодская область.

У ИСТОКОВ НОВОГО

Уборка смешанных посевов кукурузы и сои на полях опытной станции Терезино.

Это рассказ о женщине-ученом и одной из ее работ, о том, как да-доу, древняя культура китайских земледельцев, обосновалась на просторах приднепровских степей.

Когда Лида собралась в школу, мать проводила ее только до порога. Она оправдала на девочке аккуратно заштопанное платьице и протянула ей потемневшую от времени монету.

— Смотри не потеряй. Я нынче в депо задержусь, так ты меня не жди, купи поесть...

Лида крепко зажала монету в смуглой ладошке, понятно, как большая, кивнула и вышла на улицу.

С тех пор как взрослые стали часто повторять звучные слова «манифест», «мобилизация», многое переменялось в жизни семьи Некрасовых да и всего небольшого, тихого дальневосточного городка Уссурийска.

На привокзальной площади день и ночь толпился народ: женщины с заплаканными лицами, прижимавшие к себе испуганных детей, амурские казаки в огромных мохнатых папахах, суровые бородатые таежники с тяжелыми заплечными мешками. Расхаживали толстые важные городовые, щеголеватые офицеры, перекрещенные новенькими скрипучими ремнями.

Отец, машинист паровоза, по несколько дней не возвращался домой. Мать приходила поздно, усталая, запорошенная мелкой угольной пылью. Словом, в мире взрослых происходило что-то тревожное.

Лиде к этому времени едва исполнилось семь лет, и она еще не понимала, почему при слове «война» хмурится отец. Девочке война пока не причинила опорчений. Наоборот, с тех пор как нарушился привычный уклад жизни, Лиде на обед часто стали давать деньги. На них у старого У-Фына можно было получить двести пампушки. А это почти праздник.

Около фанзы У-Фына, приютившейся на задворках депо, всегда толпились станционные ребятишки. Перед входом, под большим бумажным фонарем, украшенным затейливым

иероглифом, чуть ли не круглые сутки дымились жаровня. А на ней в кипящем масле жарились пампушки с чесноком, пышные, румяные, ароматные — в общем, самые вкусные на свете!

У-Фын, сухонький, подвижный старичок китаец, сам выращивал все, что было нужно для нехитрой торговли. И пшеницу, из которой его сыновья мололи муку, и да-доу — невысокую, светло-зеленую траву с толстым стеблем и узкими, покрытыми пушком листьями. К середине лета на стеблях вырастали стручки, похожие на гороховые. Но семена в этих стручках были гораздо вкуснее гороха. Они скорее напоминали кедровые орешки. Из них выжимали масло, на котором жарились пампушки.

У-Фын говорил ребятам, что тот, кто будет есть да-доу, станет очень сильным, проживет сто лет. И ребята верили старику, потому что у его сыновей были уже взрослые сыновья, а смешная косичка, в которую У-Фын заплетал свои волосы, оставалась по-прежнему черной и блестящей, как сучавский антрацит в тендере паровоза.

Много лет спустя, когда маленькая Лида стала уже Лидией Федоровной, она не раз вспоминала рассказы старого У-Фына о чудесных свойствах да-доу, сои.

Революция открыла дочери паровозного машиниста двери Дальневосточного университета.

В 1927 году молодой агроном Лидия Некрасова уже работала в рисоводческих хозяйствах на берегах озера Ханко. Потом заведовала кафедрой ботаники в Благовещенском сельскохозяйственном институте, а через десять лет защитила кандидатскую диссертацию и была приглашена на работу во Всесоюзный институт растениеводства в Ленинград.

И случилось так, что вместо того, чтобы работать над заветной темой — акклиматизацией новых культур на западе России, ей пришлось заниматься селекцией клевера. Тогда в

агронической науке господствовала теория Вильямса, ошибочно утверждавшая, будто многолетние травы повышают плодородие почвы. И воспитанные на этой теории поколения агрономов искренне верили в чудодейственную силу многолетних трав.

Тысячи километров изъездила и исследовала Лидия Федоровна по травяным полям, и вера ее в полезность работы стала постепенно исчезать.

Нет, «травяная дверь» не ведет в страну изобилия. Но что же сеять?

Уже более шести тысяч лет земледельцы возделывают сою, самое распространенное на земле бобовое растение. Мировая практика доказала величайшую ее ценность. «Почему же не возделывать сою повсюду?» — думала Некрасова.

Лидии Федоровне довелось стать одной из тех, кто помог сое поселиться на новом месте. Но случилось это гораздо позднее, уже после войны, когда она работала не в Ленинграде, а под Киевом, на животноводческой опытной станции Терезино.

Кукуруза, по достоинству именуемая «королевой полей», пожалуй, наиболее продуктивная из всех кормовых культур. Десятки центнеров зерна, сотни центнеров зеленой массы, тысячи кормовых единиц с гектара дает она умелому хозяину.

Кукуруза содержит все необходимые животным питательные вещества, только белка в ней мало.

«Жизнь есть способ существования белковых тел», — писал Фридрих Энгельс. Все живое на нашей планете — растения и звери, птицы и рыбы да и сам человек — построено из белка.

Корова с каждой кормовой единицей должна получать 105 граммов переваримого белка — протеина. Только тогда рацион будет «сбалансирован по белку», как говорят зоотехники, и организм животного станет работать нормально.

Но в кукурузном силосе на каждую кормовую единицу приходится 70—80 граммов переваримого протеина. Где взять остальные?

В бобовых культурах, отвечает наука, в горохе, люпине, кормовых бобах, сое. Какая из них богаче белками? Конечно, соя! В ее семенах на 30—70 процентов белка больше, чем в других бобовых.

Но самое главное — кукуруза прекрасно уживается с соей в одном гнезде. Словом, с каких позиций ни оценивала Лидия Федоровна свою любимицу, именно она оказывалась наиболее выгодной белковой добавкой к кукурузе, самой подходящей кандидаткой в свиту «королевы».

Лучше всего высеивать сою вместе с кукурузой, потому что вызревают они примерно одновременно.

На первый взгляд все как будто просто. Но ни одно дело не обходится без трудностей.

Прежде всего встал вопрос: какой сорт сои сеять? Из огромного множества сортов, пригодных для возделывания в Киевской области, предстоя-

ло отобрать наиболее урожайные, со стеблем не ниже 70 сантиметров, с высоко расположенными стручками.

В 1959 году Лидия Федоровна вместе со своей давнишней знакомой селекционером Анастасией Кирилловной Лещенко приступила к опытам. В их распоряжении было 120 сортов сои. После двухлетних испытаний осталось около десяти. Из них, вновь прошедших тщательную проверку, и был выбран тот единственный, который передан сейчас на районирование.

Первые опыты пришлось закладывать вручную: в коллекции Некрасовой и Лещенко каждый сорт был представлен только пятьюдесятью семенами. Но уже на четвертый год урожай избранных исследователями сортов «кировоградская-4» и «терезинская-2» составил 35 тонн. Этого количества достаточно, чтобы обеспечить семенами почти пятьдесят колхозов и совхозов области.

Ох, как непросто это далось! Одно время Лидии Федоровне казалось, что против сои ополчились и природа и люди. То зарядит дождь — льет месяц подряд, то грачи саранчой пройдутся по нежным всходам, то тракторист, выехав на культивацию, вместе с сорняками уничтожит чуть ли не треть драгоценных стеблей.

Но получить семенной материал — это еще полдела. Как сеять кукурузу с соей? Убирать — то совместные посевы можно обычными кукурузными

комбайнами, но для сева машин пока нет.

Петр Федорович Таран, помощник Лидии Федоровны, предложил доработать обычную кукурузную сеялку «СКГ-6» дополнительным ящиком и семяпроводами, чтобы в одно гнездо высевались и кукуруза и соя.

Вместе со студентами-практикантами, загоревшимися смелой идеей, он построил комбинированную сеялку. И хотя «железный гибрид» выглядел несколько неказисто, на качество сева это несколько не отразилось.

Пожелтели и опали листья с дубков, тополей, кленов. Уже и днем крепкий мороз сковывает землю, хрупким зернистым ледком затягивает лужи. Кое-где на дороге поблескивает первый снежок, льдистый, сыпучий, словно пригоршнями набросанный. На длинной, почти трехкилометровой аллее, идущей от шоссе Киев — Одесса к главному корпусу опытной станции, зябко и неуютно. Невысокая пожилая женщина в грубом брезентовом плаще поверх пальто не замечает холода. Не спеша проходит она вдоль поля, на котором еще недавно шумели машины, звонко перекликались молодые голоса.

Нынешней осенью десятки самосвалов увозили с полей измельченную зеленую массу кукурузы и сои. Силос, изготовленный из этой массы, содержит на 20—25 процентов белка больше, чем чистый кукурузный. Для

хозяйств этой зоны Украины найден верный путь к решению проблемы белков.

Лидия Федоровна подходит к светлому трехэтажному зданию опытной станции и сворачивает в сторону. Она хочет посмотреть, как чувствуют себя посевы катрана и борщевника. Это — новое ее увлечение.

Катран сердцелистый тоже может быть неплохой белковой добавкой к кукурузе. Растение многолетнее, сеять его надо раз в несколько лет, а косить можно дважды в году. Ухода он не требует почти никакого. К тому же катран совсем не боится холодов, остается зеленым до первых морозов, не теряя своих кормовых качеств. Борщевник — тоже интересное растение. Опыты с этими двумя культурами только начаты, но Лидия Федоровна верит в успех.

Время не властно над людскими сердцами. Оно может выбелить волосы, изрезать морщинами и вытемнить ветрами лицо, отяжелить походку. Но оно не в силах изменить характер, никогда не потушить ему в сердце огонек любви к своему делу...

Холодный ветер обжигает лицо, теребит выбившиеся из-под платка седые волосы. Лидия Федоровна Некрасова идет на участок, где она заложила новые опыты.

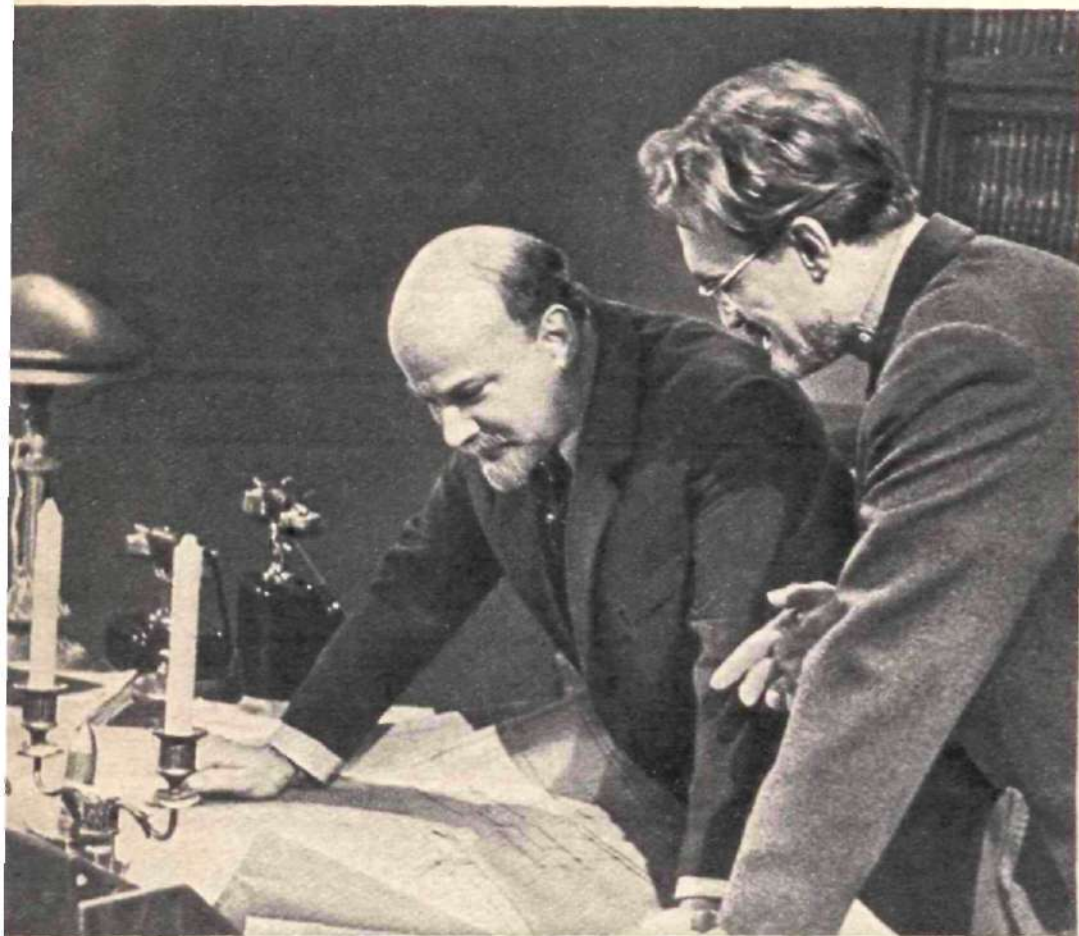
Счастливого ей пути!

Ян СОРОКО
Фото автора.

Л. Ф. Некрасова на опытных посевах катрана.

ТОЛЬКО
ОДИН
ДЕНЬ

Кадры кинохроники сохранили нам лишь очень короткие эпизоды из жизни Владимира Ильича Ленина. Помните: на просторную кремлевскую площадь, где гуляет свежий весенний ветер, впервые после тяжелого ранения вышел Владимир Ильич. Вместе с В. В. Бонч-Бруевичем он остановился неподалеку от знаменитой Царь-пушки и взмахнул рукой. Можно догадаться, Владимир Ильич показывает, что поправился, рука уже действует. Или такой момент: Ленин во время заседания III конгресса Коминтерна. Он присел на ступеньку небольшой лесенки, ведущей на сцену, вынул из кармана бумаги и сосредоточенно углубился в них. Одну минуту, не больше, видим мы его на трибуне во время первомайского парада. Мимо него в чеканном марше проходят красноармейцы, и он приветливо улыбается им.

И это почти все, что сняли кинема-

тографисты в те, ставшие уже далеки-ми дни.

Ну, а как работал Ленин? Как справлялся с той лавиной дел, которая ежедневно обрушивалась на него? Разве не интересно было бы шаг за шагом проследить хотя бы один день его жизни! И вот появился недавно фильм «Рабочий день В. И. Ленина». Так назывался бы, наверное, и документальный, если б его удалось тогда снять...

Но этот художественный фильм об обычном дне великого человека воспринимается почти как документ. И не только благодаря актеру Д. Масанову, сыгравшему с большим воодушевлением, умом и тактом труднейшую роль Ленина. Фильм столь правдив и точен во всех своих деталях, будто и впрямь составлен из документальных кадров.

...Мало еще кто проснулся в то морозное февральское утро 1921 года, когда в квартире Владимира Ильича в Кремле

все уже были на ногах. За чайным столом, как всегда, Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Короткая, суровая реплика Владимира Ильича:

— Пайки в городе сократили.

— Еще!

Зритель сразу же оказывается в курсе событий того времени, того главного, что волновало всех и каждого. Разруха. Голод. Положение нестерпимое. Где выход?

Это знает Владимир Ильич. Он скажет об этом ясно и четко. Но немного позже. А пока он не без горечи бросает: «Придется еще потуже затянуть ремни...»

Одними из первых посетителей Ленина в этот день были его земляки, крестьяне из Симбирской губернии. Уже в разговоре с ними становится очевидным, куда клонится мысль вождя. Ему важно лишний раз убедиться: вывод, к которому он пришел, верен. Чтобы перестроить экономику на новый лад, нужно развязать хозяйственную инициативу крестьянства, нужно как можно больше зерна оставить к весне на семена. Об этом говорит Ильич, выступая перед рабочими-металлистами Москвы в накаленной до предела обстановке.

Этот по-настоящему драматический эпизод не выдуман. 4 февраля 1921 года Владимир Ильич действительно выступал в Колонном зале на московской конференции металлистов, где объяснил мотивы перехода к новой экономической политике. Но в фильме не просто воспроизводится факт — показывается характер Ленина: его прямота, логика, сила убеждения.

В хронике ленинских дел отмечено также, что 4 февраля 1921 года Ленин вел заседание Совета Труда и Оборона. И в фильме это нашло место. Но каким иным предстает здесь Владимир Ильич!

Сарказмом, иронией он буквально сразил того военного, который вставлял палки в колеса новому, проводя демобилизацию из армии «выборочно», когда в деревне так не хватало рабочих рук.

— Вы решение Совета Труда и Оборона выполняете тоже «выборочно»? — резко перебивает Ленин незадачливого оратора.

Невольно вспоминаются слова Маяковского: «Он к друзьям милел людскою лаской, он к врагам вставал железа тверже».

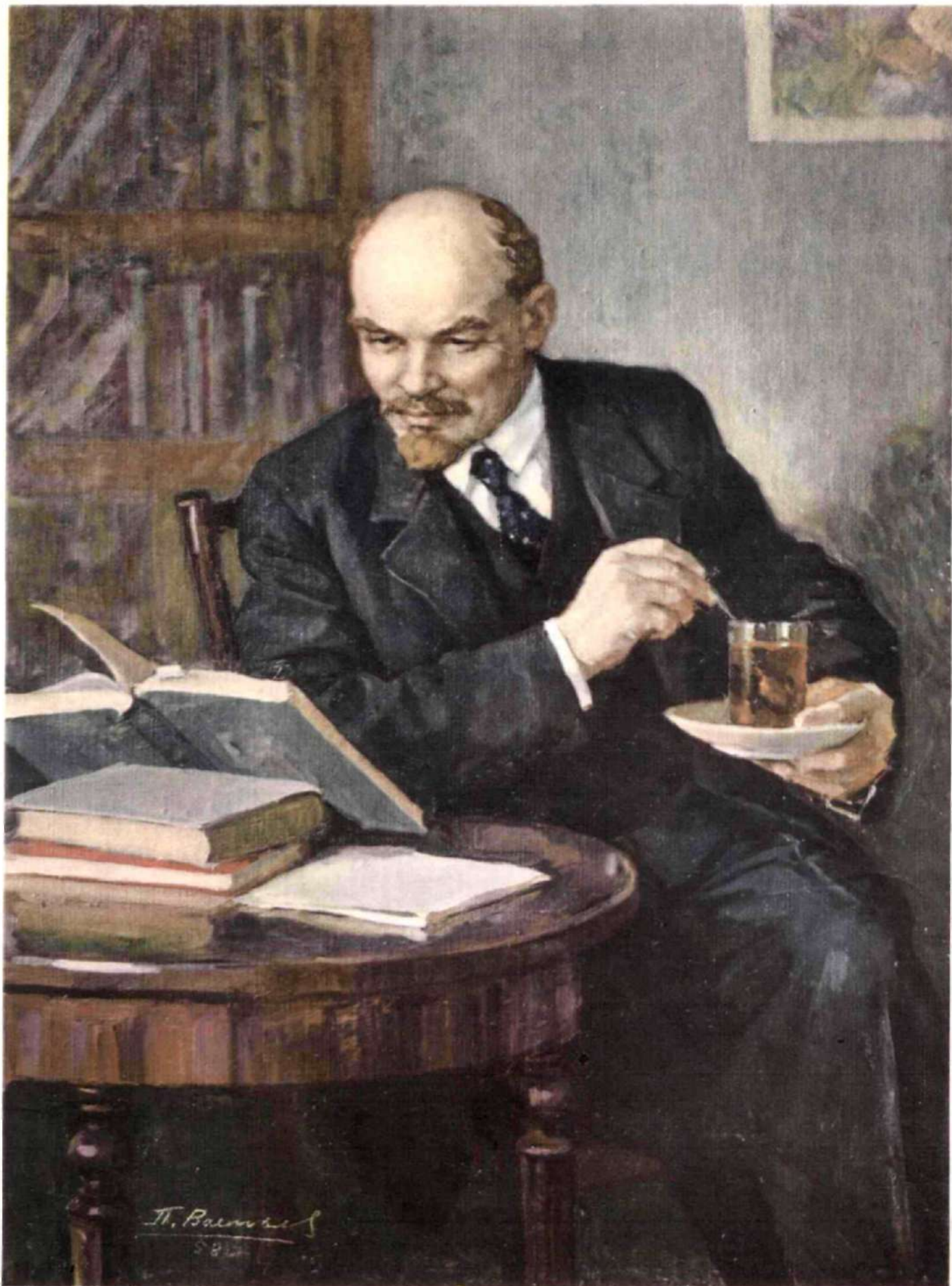
Еще несколько рабочих часов мы проводим в кабинете Ильича. Занимаемся текущими делами, с интересом слушаем рассказ изобретателя об электроплуге и соглашаемся с ним, что электрификацией нельзя заниматься с меньшим темпераментом, чем, например, поэзией. Весело смеемся над тем, как шведские коммунисты, пришедшие к Ленину, запутались в тонкостях русского языка и переводят название работы «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» как «детское заболевание»...

И вот мы снова дома у Ленина, в кругу его семьи. Пробыли кремлевские куранты. Половина второго ночи. Входит Владимир Ильич. Здорозается.

— Добрый вечер, мои дорогие! Да, трудный был день. И положение наше напряженнейшее, — в раздумье произносит он.

Из таких труднейших дней была соткана вся его жизнь.

А. ШАПОВАЛОВА

В. И. ЛЕНИН.

П. ВАСИЛЬЕВ.

ГОРДОСТЬ НАРОДА

К 50-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
ПРАСКОВЬИ
НИКИТИЧНЫ
АНГЕЛИНОЙ

Ее все звали с ласковой, сердечной простотой — Паша. Она шла не торной дорогой. Шла первой. Девушка, дерзнувшая занять место, определенное мужчине по праву, освященному веками.

Дочь батраков и сама с детских лет познавшая тяжесть труда на чужих полях, Паша Ангелина сразу и бесповоротно отдала свое сердце могучей машине, присланной в деревню Советской властью. Водить эту машину по широким колхозным полям — другой цели у нее не было.

На пути Паши встали косность, темнота старой деревни, убогая убежденность в ограниченности женской доли — все то, что так трудно изживалось на заре нового, социалистического строя.

Никто не поддержал ее — ни друг, ни брат-тракторист, ни даже отец, передовой по тому времени крестьянин: он знал, как сильны в деревне предрассудки, и боялся за дочь. Инженер-механик, инструктор курсов трактористов при только что созданной в селе машинно-тракторной станции, лишь пожал плечами:

— Практика не знает примеров, чтобы девушка водила трактор.

— Значит, я буду первая, — сказала

семнадцатилетняя старобешевская девочка.

Много нужно было отваги, чтобы независимо, засунув руки в карманы рабочих брюк, идти к МТС улицей под перекрестными взглядами недобрых глаз. Парни над ней смеялись, старухи крестились и плевали ей вслед.

Кончился первый рабочий сезон. По выработке и сохранности машины Паша Ангелина обогнала других трактористов. Но деревня упорно стоит на своем: «Не место бабе на машине». И когда спустя год Паша выводит на весенний сев обученную ею девичью тракторную бригаду — девять смелых подружек, — наперерез тракторам валит возбужденная толпа:

— Не пускать баб, они попортят нам поля!

— Тащи Пашку с машины!..

Но вот наступил день, который стал самым памятным в жизни Паши и ее подруг.

Погода стояла теплая, солнечная. Бригада заканчивала сев пропашных — несколько суток девушки работали почти без отдыха, стремясь завершить работы, пока земля хранит еще весеннюю влагу. А за краем свежей пахоты до самого горизонта степь уже нежно зеленела, дружно поднималась яровая пшеница, посеянная бригадой. И вдруг трактористки увидели: по дороге от села движется большая группа людей. Сердце Паши дрогнуло. Неужели что-нибудь не так?

Но она ошиблась. Подойдя к заглушившим моторы девушкам, люди остановились, а седой старик, низко поклонившись, сказал:

— Пришли мы, доченьки, сказать вам спасибо за вашу работу. Теперь сами видим: отродясь не бывало на наших полях таких добрых всходов. А за прошлую обиду просим прощения.

Тоненькая смуглая девушка с пышной шапкой непокорных волос и упрямым чубиком, налезавшим на высокий лоб, стоит на трибуне в зале Большого Кремлевского дворца. На Всесоюзное совещание передовиков сельского хозяйства собрались лучшие люди колхозной деревни. И зал бурно рукоплещет ей, первой девушке-трактористке, доказавшей, что женщина может управлять техникой не хуже, а порой и лучше мужчины: ее девичья бригада оставила «за флагом» не одну передовую мужскую бригаду, выработав за сезон 795 гектаров на каждый трактор, почти вдвое превысив план. Сама Паша вспахала 1500 гектаров.

— Молодец, Паша, — слышит она возгласы, — поддала парням жару!..

В Старо-Бешеве возвратилась повзрослевшей, понявшей значимость происшедшего: опыт ее бригады будет повторен во всех концах страны. Там, в Кремлевском дворце, с ней говорила Родина, умеющая видеть преданный труд своих детей, где бы они ни трудились. Это Родина ободрила ее, когда она обязалась выработать на каждый трактор бригады не меньше 1200 гектаров. И перед ней будет держать ответ. Ну что ж, она без колебаний принимает эту ответственность: слово дано не зря.

1 225 гектаров, 2 300, 2 700... Стремительно, из года в год, растет выработка в ангелинской бригаде, не давая дремать беспечным, подзадоривая ретивых. Раз-

Ничего!

Изучив словарь толковый,
Интуриста усвоил слог.
Одного в России слова
Он понять никак не мог.

Тут пошли ему навстречу —
Снарядили в путь его.

— Пусть поймет в народной речи,
Что такое «ничего»!

— Как в пути у вас с едою,
Говорят, продуктов нет?
Что, скажите, брат с собою?
— Ничего, — звучит в ответ.

Где своим шагает ходом,
Где проедет с кем-нибудь.
Спросит, сколько за подводу?
— Ничего! Счастливый путь!

Отдавил соседу ногу,
Извинился, снял берет:
— Извините, ради бога.
— Ничего! — ворчит сосед.

Обойдя в колхозе хаты
И прикинув умолом,
Гость сказал:
— Колхоз богатый!
— Ничего! — сказал народ.

И когда друзья спросили
За границей у него:
— Как поездка? Как Россия?
Он ответил:
— Ничего!

горается по стране соревнование механизаторов. На смену маленьким «ХТЗ» а деревню идут новые, мощные гусеничные машины. Водит их и бригада Ангелиной. И не девять, а сто двадцать пять девушек уже сидят за рулем в Старо-Бешевском районе — кадры, подготовленные Пашей в ее «тракторном институте». Каждый год вчерашние прицепщицы пересаживаются на трактор, трактористки становятся бригадирами. Высокие урожаи собирают колхозники с обработанных девушками полей. А Паша учится сама и заставляет подруг изучать агротехнику: мало быть хорошим трактористом, надо отвечать за результаты своей работы.

Уж никто больше не смеется над девушкой в рабочем комбинезоне. Растут отряды Пашиных последовательниц. Звучат по стране имена новых славных механизаторов — Паши Кавардак, Вари Бахолдиной, Марии Мухортовой и многих, многих других...

Незадолго до начала войны с трибуны XV съезда Коммунистической партии Украины прозвучал голос делегата съезда Ангелиной.

— Никита Сергеевич, — сказала она. — Вы говорили, что опыт моей бригады надо сделать достоянием тысяч и тысяч крестьянских девушек... Что надо быть готовым ко всяким неожиданностям. Что нужны кадры. Эти кадры есть. Я получаю тысячи писем: девушки просят обучить их тракторному делу. Если фашизм кинется на нас и наши трактористы пересядут на танки, — тракторы поведем мы: сестры, невесты, жены!

И со страниц центральной печати разнесся ее горячий призыв: «Сто тысяч девушек — на трактор!»

Отозвалось двести тысяч. Во время Отечественной войны женщины-механизаторы приняли на себя всю тяжесть снабжения хлебом армии и тыла.

Двадцать девять лет не выпускала Паша из рук руль трактора, даже когда

училась в Тимирязевской академии. Двадцать девять весен встречала она в привольной степи, радостно поднимая пласты пахучей земли. Но эта работа не поглощала всей ее кипучей энергии. Она жила всем, чем жила ее страна.

Бессменный избраник народа, вместе с правительством решала Прасковья Никитична государственные дела. Ее — заботливую мать — волновали вопросы воспитания детей. Не раз и не два выступала она на страницах нашего журнала, призывая школу и семью прививать детям любовь к труду, могучему двигателю процветания человечества.

Она была верным слугой народа. Двери хорошо знакомого донецким жителям дома на берегу степной реки Кальмиус ни перед кем не закрывались. Если Паша была в поле, мать, Ефимия Федоровна, или отец, старый, заслуженный колхозник Никита Васильевич, говорили приветливо: «Подождите, Паша скоро будет». Ни один человек, нуждавшийся в справедливом вмешательстве депутата, не покидал этого дома без поддержки. К ней приходили просто за советом, и часто тут же, на месте, разрешался неразрешимый, казалось бы, спор.

Она думала обо всем и обо всех. Только не о себе. Сдавало здоровье, но она не придавала этому значения: так велика была ее вера в неиссякаемость своей жизненной силы.

Не встретила Паша своей тридцатой трудовой весны. Она умерла на рассвете хмурого январского дня в Москве, куда была срочно доставлена самолетом. Но помочь ей уже никто не мог. Это было за три дня до открытия XXI съезда партии, делегатом которого являлась Ангелина.

Она прожила всего 47 лет, но никогда не изгладится след, оставленный ею на земле и в сердцах людей.

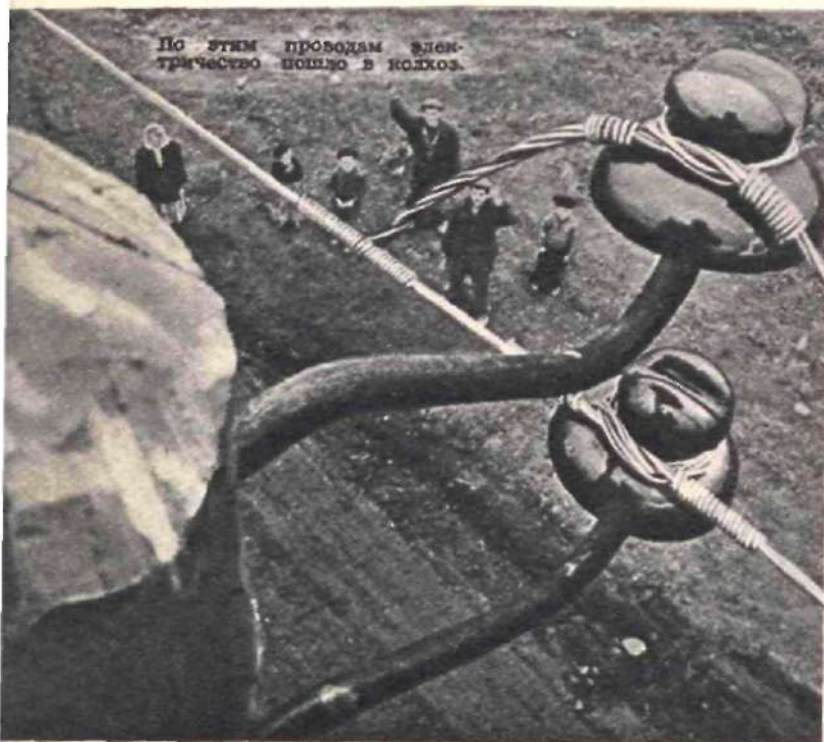
Т. НОВИКОВА

Фото А. ШИШКИНА.

СОРАТНИКИ

В колхозах Веселовского района о заводе «Запорожсталь» говорят: «Это наш соратник в борьбе за подъем сельского хозяйства».

Давно минули те времена, когда помощь завода колхозам выражалась только в том, что на горячее время уборки посылали рабочих. Теперь отношения строятся по-иному.

По этим проводам электричество пошло в колхоз.

ЕСТЬ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Выход оставался один — электрификация. Без нее колхозу имени Горького дальше и шагу не сделать.

Можно, к примеру, увеличить поголовье скота: есть корма и помещения. Но как пойти на это, когда людей не хватает? Да и молоко при ручной дойке в копейку обходится!

— Нет, без электричества дело не сдвинешь! — вздыхали колхозники. — Что это за работа, когда один трактор воду качает, другой мельницу крутит, третий приспособлен корма измельчать. И так вот тринадцать тракторов!

Но когда вплотную занялись электрификацией, оказалось, и столбы, и провода, и трансформаторы, и моторы приобрести можно. Но где взять квалифицированных работников, которые установили бы электрооборудование?

Выручили шефы — рабочие цеха сетей и подстанций завода «Запорожсталь». Провели двенадцать

километров линий, оборудовали три трансформаторных будки, пустили электромоторы.

Теперь можно было увеличить колхозное стадо. Через некоторое время в колхозе появился новый коровник на две сотни голов. Неподалеку от него просторный телятник. Построили овчарню на полторы тысячи овец и свинарник. Электричество доит коров, крутит жернова мельницы, гонит воду по трубам.

— Уж и не знаем, как благодарить шефов! — говорят в артели имени Горького.

ОБЩЕЕ ДЕЛО

С председателем колхоза «Украина» Алексеем Михайловичем Поповым прокатчики «Запорожстали» подружились с первой же встречи. Попов повел их по фермам, мастерским, познакомил с людьми. Держался он степенно, по-хозяйски, не прибрежнялся, а просто показывал: смотрите, мол, что у нас хорошо, а что плохо.

В колхозе одних только тракторов тридцать пять! А вот ремонтная база колхоза оставляет желать лучшего: паратисков да старый токарный станок.

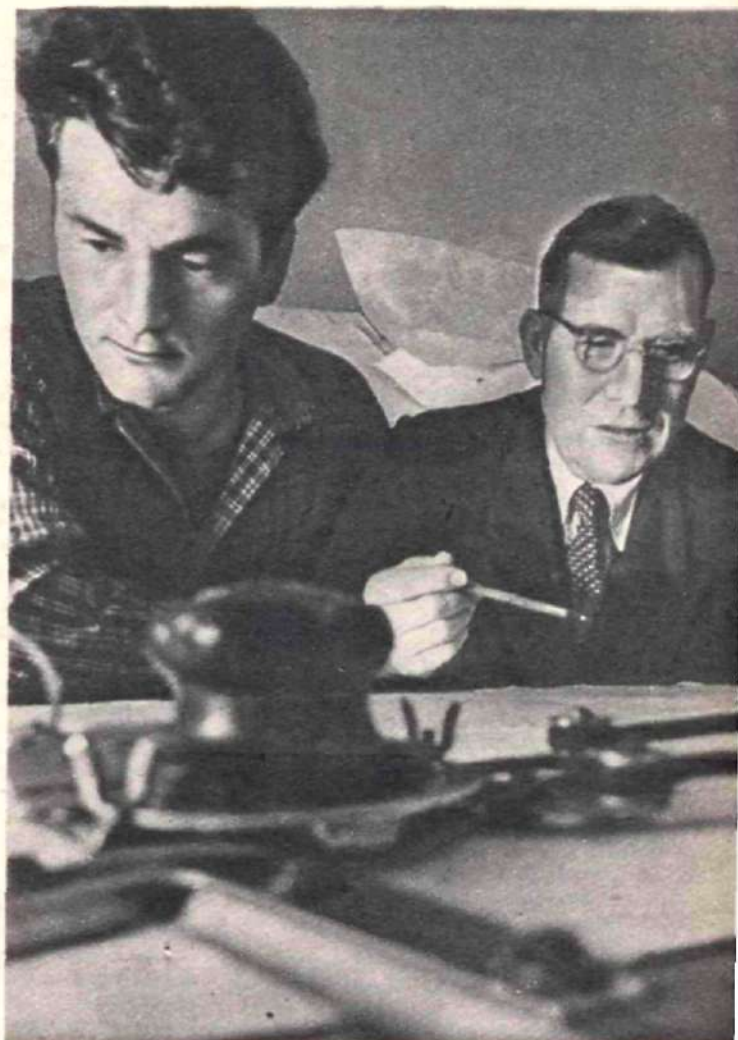
Рабочие цеха холодного проката «Запорожстали» приняли это к сведению. И через некоторое время в колхоз привезли сварочные

С ГРИФОМ «СХ»

«А чем мы поможем сельцу?» — задумались молодые специалисты заводоуправления.

— Что, если нам создать конструкторское бюро на общественных началах? — предложил кто-то.

Идея понравилась. Работать в общественном КБ

аппараты, много различных инструментов, из тех, что уже не использовались на производстве.

Помогли шефы подвести воду к животноводческим фермам, установить электропривод к зерноочистительным машинам.

И у женщин есть особая причина благодарить запорожстальцев: в четырех яслях появилась детская мебель. Наведались в колхоз и воспитательницы заводского детского сада, поделились своим опытом.

— А теперь обязательно приезжайте к нам, — пригласили горожанки своих сельских коллег, — посмотрите, как мы работаем с детьми.

На желтоватой кальке конструкторов Павла Куца и Якова Савостина появляются контуры животноводческих построек.

пожелали не только комсомольцы. Якову Корнеевичу Савостину и Лазарю Самойловичу Шульману уже под пятьдесят; давно вышли из комсомольского возраста и Георгий Гаврилович Гутов, Иван Дмитриевич Шабленко. Но разве могли они остаться в стороне от такого дела? Не остались безучастными и специалисты из других отделов.

И вот после рабочего дня долго не гасли лампочки над чертежными досками конструкторов. На белые

листы ложились четкие линии будущих зданий и механизированных устройств.

Павлу Кушу и Виктору Целуйко поручили первоочередной заказ: спроектировать крытый ток. Комсомольцы решили сделать проект типовым, чтобы пригодился различным хозяйствам. Наконец черте-

...Вот и еще один день прошел. Будничный, как и все остальные. Наступил вечер. В степи не умолкают цикады. В клубе показывают кинофильм, а на скамейке возле правления сидят двое. Это Харенко и председатель колхоза Евдоким Михайлович Герман.

— Надо будет посоветоваться на заводе,— продолжает Харенко.— Пусть пришлют в колхозы наших экономистов. Они люди опытные, помогут наладить учет. Давно закончился кинофильм. Крупные южные звезды высветили ночное небо. А эти двое все сидят и сидят.

Разными путями шли они

по жизни. Один — мастерской, от его рук пахнет маслом. Другой — хлебороб. Но оба страстно беспокоятся за общее дело, и того и другого одинаково радуют успехи колхоза, и того и другого волнуют его недостатки. Они соратники.

Г. ВЕРШУБСКИЙ

Запорожская область.

Фото Я. МИХЛИНА.

Мастер завода, пропагандист Илья Васильевич Харенко.

жи с грифом «СХ» были отправлены колхозам.

Прошло всего полгода, а крытые токи, построенные по проекту запорожстальцев, уже стоят во многих колхозах Веселовского района.

Работы хватает всем. Одни трудятся над проектом водонапорной башни, другие — нового, механизированного коровника. А заказы из колхозов все идут и идут. На них сразу же ставятся буквы «СХ»: заказы для сельского хозяйства считаются на заводе первоочередными.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Илья Васильевич устал. Не те годы, чтобы вышагивать целый день по полям и фермам. Можно было бы, конечно, взять у председателя машину, он предлагал. Но Илья Васильевич не хочет быть в тягость: с транспортом в колхозе еще туговато.

Илью Васильевича послали в колхоз «Заря» прочитать несколько лекций. У себя в цехе мастер Харенко считается одним из лучших пропагандистов.

С фермы на ферму, с одного полевого стана на другой переходит Илья Васильевич. И везде душевно говорит с людьми.

Вспыхивают огоньки папирос. Течет тихая, неторопливая беседа.

— Дела сейчас, конечно, идут куда лучше, чем в недавнем прошлом,— медленно говорит Илья Васильевич.— Но много еще у вас и неиспользованных возможностей... Взять, к примеру, коровник. Помещения добротные, есть механизация и скот упитанный, но зачем вы держите коров, которые дают мало молока? Не лучше ли заменить их породистыми, высокоудойными? И с техникой тоже непорядок. Как она у вас хранится? Под открытым небом! И тракторы, и комбайны, и плуги... Откармливаете вы четыре тысячи свиней. Ежедневно приходится подвозить к свиарнику десятки тонн кормов. А хорошего подвоза нет. Казалось бы, мелочь, но сколько в этой грязи людского труда похоронено! И учет вести не научились. Рабочий на заводе ничего не потеряет. Каждый резец, каждый ключ записан в его учетной карточке. Надо и в колхозе установить такую ответственность.

Председатель колхоза не видит собеседника. Темнота скрыла от него и широкое с лысоватым, высоким лбом лицо и сильные рабочие руки.

«Запорожсталь» помогает колхозам, а труженники села шлют предприятию овощи.

ПЕТР ШАХОВ

Рассказ

СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Широка-а Печора-матушка!.. Ким впервые плавает по такой реке. Видел он, конечно, и раньше реки, но по сравнению с этой теперь все они кажутся ему ненастоящими — так, одно название.

На таежных маленьких речках Киму всегда казалось, что его катер застрянет среди кустов, окаймляющих берега.

Здесь же, на Печоре, глазам открывается бесконечная, тронутая серебряной рябью ширь реки. Высокие берега кажутся отсюда совсем пологими. Солнце обливает позолотой дальние вершины уральских гор, похожие на церковные маковки.

Теперь уже не река кажется Киму маленькой, а катер. Так просторно вокруг! Легко дышится здесь Киму, он расправляет плечи, словно только впервые ощутил свободу и силу. И радуется:

— Красота...

— ...та-та-та,— вторя ему, тархтит катер и рассекает водную гладь.

* * *

Еще спят петухи, а Ким просыпается от привычного стука в окно.

— Вставай!..

Это Надя, совхозная доярка. Собралась коров доить, а скот летом живет на острове. Вот Ким и возит туда доярок.

Пелена ночного тумана еще стелется над Печорой, когда раздается урчание его катера. И замолкнет мотор лишь тогда, когда к ночи река снова оденется в туман. Сначала нужно везти доярок на остров. Потом косарей на заречные луга. А оттуда опять на остров. К катеру привяжут большую лодку, груженную бидонами с молоком, — и к совхозному поселку.

Концы немалые, только успевай мотаться. Зазеваешься — не оберешься насмешек. У этих девчонок с молочного завода языки, что бритва. Чего они только не придумают: не вдова ли-де какая задержала? Или девчонка до петухов целовала, проспал?

А Ким еще очень молод. Краснеет от стыда.

— Скажете тоже... Я из дому-то вечером не выходил...

А те умирают со смеху.

Вечером нужно переправить косарей и доярок в поселок. Каждый день с утра до вечера Ким за рулем. И у него много времени для размышлений.

Скажем, ведет он катер на молочный завод: помашет встречному судну белым сигнальным флажком, прислушается к шуму мотора, потрогает рулевой трос (не развязался бы узел!) — и снова смотрит вперед на голубую гладь Печоры...

И думает Ким, что надо бы письмо родителям написать: ведь он впервые уехал так далеко от дома. Раньше Ким работал в своей деревне, на сплаву участке. А месяц назад сплавучасток ликвидировали, и Кима вместе с катером перевели в отдаленный совхоз. Лишь одно письмо успел послать Ким домой. А писать ему уже есть о чем.

Провожая его в дорогу, мать сказала:

— Берегись дурных людей, сынок. С умом живи. Неизвестно, где споткнешься. А люди будут вокруг чужие, и никому ты не нужен. Хорошего человека искать надо, а плохой сам объявится... Будь осторожен в пути!

Нет, Ким не согласен с этим. Тогда он промолчал, а теперь бы ответил матери: в пути очень интересно, мама. И большинство людей не пло-

хие, а хорошие. Даже очень хорошие.

И Ким вспоминает печорскую пристань... В Печору он приехал поездом, потом автобусом добрался до пристани и стал ждать парохода, чтобы ехать в совхоз.

На пристани Ким чувствовал себя сиротливо. Народ кругом незнакомый. Если кто-нибудь чуть дольше, чем нужно, крутился поблизости, Ким поспешно садился на чемодан. Время тянулось медленно и тоскливо. Потом Ким начал присматриваться к пассажирам, прислушиваться к их разговорам, и тогда время побежало быстрее.

Для начала Ким основательно изучил пристань. Сидел он в проходной дебаркадера, откуда ведется посадка на речные суда. Слева была дверь с табличкой «Начальник вокзала». Четвертый час ждал Ким на пристани, а дверь так ни разу и не открылась. Рядом с дверью — желтая фанерная доска. Закинешь голову и прочтешь: «Расписание».

А вон старуха в тесном плюшевом жакете и светло-зеленом сарафане, тяжелыми складками падающем на пол. Очень похожа на добротное сложенное сусло. Полчаса стоит она у доски и старательно шевелит губами:

— Ры-а-расписания, ты-е-пы-лы-теплоход. № 43 отпр. 4 час. Моск. вре...

Постоит у доски, заложив руки за спину, потом подойдет к перилам, обопрется и долго смотрит на реку. А рядом на чемодане сидит мальчонка лет двух. Время от времени он сползает с чемодана и топает к бабке. Тогда она оборачивается и говорит баском:

— Что? Опять конфету? На-ко вот, ешь черный хлеб. С тебя и того довольно. Невелика еще твоя цена...

Тот спокойно отправляется обратно с куском хлеба, забирается на чемодан.

Бабка отходит от перил, снова замечает фанерную доску, читает дальше:

— Бы-а-бы-а — багажная...

Ниже написано еще что-то, но буквы слишком мелкие. А у стены на

чемоданах сидят пассажиры, и по-
дойти поближе нельзя.

«Интересно!» — улыбается Ким. —
Оказывается, очень интересно!»

Постепенно пассажиры перезнако-
мились, и один из них спросил:

— Что это — твой сынок, бабка?

— С ума сошел! — Бабка глянула
осуждающе. — На седьмом-то десят-
ке! Дочкин это. Оставила она его мне
на месяц, а потом пишет: «Няньчи,
мать, еще. Скоро сама приеду». И вот
уже третий год жду... Двое суток
добиралась до города, пусть, думаю,
хоть друг на друга посмотрят. При-
ехала, а ее и след простыл. Нет ее.

В гостинице ночевать пришлось.

— Ну?! Куда же девалась? — уди-
вились пассажиры.

— Да уж полгода, как в Воркуту
уехала.

— Дай, дай, мама... — лопотал ма-
лыш.

— Мама твоя, знаешь... На, кушай
хлеб. — Вдохнула тяжело. — Жалко.
Не знает матери. Но теперь, если она
и придет, не отдам. Не отдам, пока
жива!

— А... отец? — решился наконец
Ким.

— Ну-у! — протянула бабка и, поч-
ти не поворачивая головы, измерила
его взглядом. — Может быть, ты как
раз и есть отец. Взгляни-ко, не твой
ли? — повернула мальчика лицом к
Киму.

Вокруг прыснули.

Ким покраснел до ушей и не на-
шел, что ответить.

— Нет. Где тебе! — сердито махнула
рукой бабка.

Все с жалостью смотрели на ре-
бенка. А один мужчина сказал бабке,
что хоть на черном хлебе земля дер-
жится, но такому мальшу и конфет
бы не мешало купить.

Бабку совсем не тронул этот упрек.
Она спокойно посмотрела на совет-
чика и сказала:

— Что ты, золотко, поистратилась
я в дороге. На дочь понадеялась.
Только на билет да хлеб и осталось.

Ким слушал все это и удивлялся:
«Бывает же такое! А бабка хорошая.
Держится-то как! Слово ей и горя
мало...»

Он поднялся на второй этаж де-
баркадера и купил в буфете целло-
фановый мешочек с фруктово-ягод-
ной смесью. Купил и усомнился: «А
вдруг засмеют? Точно, скажут, на-
шелся папаша».

Но когда он спустился вниз, на
старушкином чемодане уже лежала
груда кулечков с конфетами, пече-
ньем, булками и вареными яйцами...
Ким тоже положил свой гостинец и
отошел к перилам.

***

Да, о многом передумаешь, стоя за
рулем. И Ким думает, что бояться
людей не следует. Надо только до-
верять им и смотреть на них доб-
рыми глазами.

Ким вспоминает, как он первый
раз привез в поселок молоко. Осто-
рожно причалил к берегу, чтобы не
опрокинуть лодку с бидонами, заглу-
шил мотор и стал ждать машину.

Скоро она показалась на высоком
берегу. Прогромыкала вниз, проскри-
пела по береговой гальке, разверну-

лась и замерла. Но не вровень с лод-
кой, а ближе к катеру. И стоит — ни
слуху, ни духу.

«Что это? Машина без водителя?» —
удивляется Ким, высунувшись из
рубки.

Но вдруг дверца кабины с силой
распахнулась, и на подножке вырос
невысокий мужчина в комбинезоне.
Узкие черные глаза его сверкали.

— Ты чего? — крикнул он по-рус-
ски.

— А чего? — Ким и по-русски
умеет разговаривать.

— Подрули катер машины! — еще
громче закричал тот с подножки.

— Что-о-о? — опешил, протянул
Ким.

— Русский язык тебе говорят!
Ставь как следует машина, лодка
кузову ближе. Разгружать надо... —
И шмыгнул в кабину.

Водителю всего-то две минуты и
надо, чтобы подогнать машину к нуж-
ному месту. А вот, оказывается, не
он, а Ким должен заводить мотор,
выбираться из густого ряда барж,
разворачиваться, причаливать заново...
В полчаса не управиться.

А тот уже стоит на берегу и как ни
в чем не бывало командует:

— Левай! Правей! Назад бери...
Куда едешь, балда?.. Теперь хорош.
Ладна. Вылезай, разгружаться бу-
дем...

«Еще и ругается. Сам ты балда.
Совести у тебя нет».

Когда все бидоны оказались в ку-
зове, шофер скомандовал:

— Садись кабина.

Машина рванулась неистово, будто
ее скипидаром подмазали. В кузове
шарахнулись бидоны. Ким глаза вы-
пучил.

— Что смотришь? Я всегда так.
Не люблю стоять... — заявил странный
шофер.

Ким ухмыльнулся: «Хвастун ты,
вот кто. У берега из-за кого лишних
полчаса пришлось околачиваться?»

Шофер, будто отгадав его мысли,
снял руку с баранки и показал на
шею:

— Видишь? Шея. Не работает. — Он
попробовал крутнуть головой — не
получилось. — Фурункул там. Пони-
маешь?

— Понятно. — сочувственно погля-
дел на него Ким. — Тогда все понят-
но. А я думал... Значит, ты голову
не можешь повернуть куда надо. И
поэтому ждешь, пока катер не станет
рядом с твоей машиной? Теперь все
понятно. Вон и шея твоя забинтова-
на, как я раньше не заметил?.. — ра-
довался Ким, чувствуя, что этот чу-
дак пришелся ему по сердцу.

Шофер скосил озорные глаза на
соседа и сказал:

— Не обижайся. Мой фурункул
весь совхоз знает... Ты один не
знаешь.

***

«А есть, конечно, и другого сорта
люди, — думает Ким. — Совсем дру-
гого...»

Не понравился, например, Киму
приезжавший недавно в его бригаду
представитель совхозного рабочкома.
Долговязый такой, хитрый стог подпи-
рай. Да и хвастун, видно. Дед Федор
был прав, когда отчитал его.

Ким познакомился с ним на име-
нинах деда Федора, когда деду
исполнилось шестьдесят пять лет.
Ким хотя и новичок в этом селе, но
тоже был приглашен на именины.
«Ты, видать, добрый парень, — ска-
зал дед, — приходи, за сына будешь».

Его сын не вернулся с войны. Те-
перь дед живет с дочерью, с той са-
мой Надей, которая по утрам будит
Кима. А может быть, дед пригласил
Кима потому, что тот на своем ка-
тере возил его зажигать на реке ба-
кены.

На именины заявился и предста-
витель.

— Жду, — говорит, — народ на лек-
цию и слышу здесь голоса, дай, ду-
маю, зайду.

Дед, конечно, вначале и внимания
не обратил на вошедшего, лишь взгля-
дом скользнул по нему. А Ким ис-
подтишка наблюдал за гостем. Пред-
ставитель будто и не заметил холодно-
го приема. Сел на лавку, заулы-
бался и забарабанил пальцами по
колену. Потом встрепенулся обрадо-
ванно:

— О! Здесь и гармошка есть!
Давненько не играл. — Поднял гар-
мошку, легонько поставил на колени.
Тогда дед Федор налил в стакан
водки (правда, не очень щедро) и
протянул гармонисту.

— Уж, наверное, не откажешься? —
тонко съязвил при этом дед. — На,
выпей в честь моего дня рождения.
Хоть я и не знаю, что ты за птица.

А тот несколько не обиделся на
деда и стал объяснять, кто он и от-
куда.

— А-а, начальство... — усмехнулся
дед.

Представитель выпил, потянулся
за закуской. Навалившись на стол
всем телом, достал кусок семги. А
ведь под носом стояла тарелка со
свежим язем и вполне можно было
закусить тем, что поближе. Ким вон,
хоть и званный гость, и то к семге ед-
ва притронулся.

Представитель расположился за
столом вполне по-свойски и, как ви-
дно, уходить не собирался. Все выпили
еще по одной, захмелели и перестали
сторониться незваного гостя. Он даже
оказался в центре внимания. Слово
ради него собрались за этим столом,
а не ради деда. Он и анекдотец рас-
сказал, и насчет Китая, и о текущем
моменте — всего коснулся легонько.
Конечно, слушали: вот что значит
ученый человек! А дед Федор все
молчал, только хмурился. А потом
взял да и поддел гостя:

— Не будешь ты, молодец, сего-
дня лекцию читать.

— Почему же? — улыбнулся пред-
ставитель.

— А потому, что сегодня тормоза
отказали тебе. — Дед тряхнул бородой.

— Какие тормоза? — удивились го-
сти.

— А те самые, — упрямо повторил
дед. — Не ты один тут грамотный. Я
вот и «Речника» и «Крестьянку»
выписываю. Там много чего написа-
но. Есть, к примеру, центральная
нервная система. А в ней есть тор-
моза. Как выпьешь, алкоголь выклю-
чает тормоза. И человек делается
похожим на со́року: «Китш-китш,
китш-китш» — вот и все дело с него...

И вы, граждане, собираетесь лекцию читать, а тянете водочку. Не уважаю!..

Представитель, не отпуская гармони, объяснил вежливо:

— Видите ли, дедушка, лекцию я сегодня решил отложить...

— Дело твоё: отложил так отложил. Но, уважаемые гости,— дед приосанился,— хотя мне и стукнуло шестьдесят пять, но мои тормоза ещё никогда не отказывали. И каждую ночь загораются бакены на Печоре. А ты «отложил»...

Деда Федора едва удалось унять. Ещё долго издрагивали его косматые брови и сверкали глаза на темном лице.

Хороший дед.

Но недавно деду Федору выдали новую моторную лодку. Он теперь не дожидается попутного катера, чтобы ехать к бакенам, и Ким редко видится с ним.

* * *

Ещё Ким думает о том, что в поселке может быть, его уже считают женихом. Такие мысли к нему приходят обычно, когда он заезжает за людьми на остров.

Ким ещё издала начинает приглядываться: не стоит ли кто в сторонке от всех? Если стоит, значит, это она. Значит, это Наташа стоит.

На песчаной косе есть огромный валун. И вот Наташа всегда стоит на нем. Можно сказать, не стоит, а вертится, как веретено, пританцовывает, будто камень обжигает ей пятки. И руки ее все время в движении — водят за концы платок, брошенный на плечи. А сама она поглядывает то на катер, то на толпу — из стороны в сторону болтаются белые бантики в темных косичках.

Когда от катера на песок набегит первая волна, Наташа птичкой порхнет с камня, приподнимет юбку и зашлепает по воде, заливаясь тоненьким смехом, к катеру...

У Кима захватывает дыхание. Он опускает голову к баранке руля, цепенеет. А очнется — Наташа уже рядом, сидит на топчане у стены и смотрит на Кима большими серыми глазами. И улыбается. А из глаз ее так и брызжут огоньки — озорства, радости, любви, чистоты.

Не может Ким спокойно смотреть в эти глаза. Ведь как раз из-за них, из-за этих глаз, в поселке стали называть Кима женихом.

Одно лишь обидно Киму: что Наташа отыскала его на свете, а не он Наташу.

Как-то после танцев она подошла к нему и сказала:

— Ты, Ким, уже месяц живешь тут, а все еще ни одну девушку не провозжал домой.

— А чего тут провозжать — дом у всех рядом.

— Ну, хоть до обрыва...

До обрыва не больше двадцати шагов. Но оттуда Наташа повела Кима еще и на Чурк, а до Чурки не сто шагов и не двести, а вся тысяча. Ким заметил тогда, что Наташа притихла. Куда исчезла ее бойкость? Держит Кима под руку, а рука дрожит. Да и к Киму перешло ее вол-

нение. Молчали долго. А потом он начал разговор.

— Луна сегодня дольше вчерашнего стоит... — сказал он, взглянув на небо.

— Разве вчера тоже луна была? — едва слышно спросила Наташа.

— Была...

— И опять замолчали.

— А у тебя кто из родных здесь? — спросил чуть позже Ким.

— Сестра.

— И брат есть?

— Есть, два.

— И мать тоже?

— Есть и мать.

— Большая семья, — сочувственно заключил Ким, будто Наташа привела его на Чурк для того, чтобы пожаловаться ему.

На Чурк ходили только влюбленные. Уж такое было правило. Когда парень и девушка приходились друг другу по сердцу, они шли на Чурк. А без этого — нет.

А что такое Чурк? Да вот он, Чурк. Стометровый обрыв, отвесно падающий в печорскую волну. Лунная дорожка переливается на волне где-то очень далеко внизу...

— Высоко как! И просторно... — удивляется Ким.

Посмотрел на Наташу, а она усеялась на самый краешек обрыва и ногами болтает.

— Наташа, — тихо, чтобы не испугать ее, позвал Ким.

Наташа оглянулась, улыбается. И еще сильнее качает ногами.

«Упадет», — подумал Ким, потянул Наташу от опасного места. А она еще и упирается: да мы, говорит, здесь с детства играть привыкли.

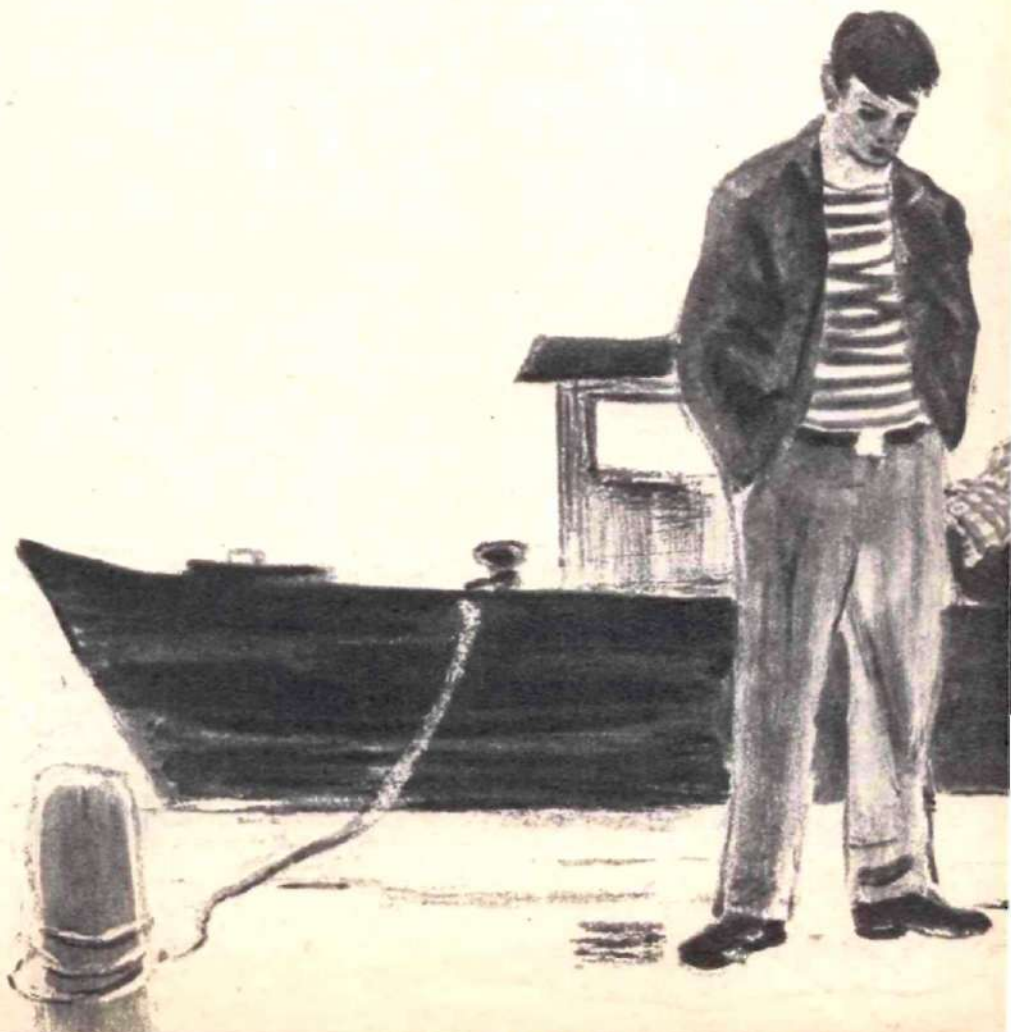
Нечего сказать, хорошенькое место для детских игр! Тут сорвешься с обрыва и лети кубарем полчаса. Вон внизу рыбак неводит, а сам со спичечный коробок ростом...

Вот всего-то и было между ними. А на катере уже никто не садится рядом с Кимом: знают — Наташино место. Как же! Они ведь уже и на Чурк ходили. Киму, конечно, приятно. Но если Наташа сидит рядом, трудно управлять катером. Он боится, что движения его покажутся неловкими, что волосы у него растрепались, что рубашка взмокла от пота... Ведь Наташа смотрит на него. Вдруг возьмет она да и скажет: «Какой ты, оказывается, некрасивый, Ким, неловкий, как медведь... И что-то рубашка у тебя вся насквозь мокрая. Уж не простудой ли страдаешь?»

И еще думает Ким: следует ли рассказать Наташе об одном деле? Как он вспомнит про это дело, так сразу рука и крутанет ожесточенно баранку — катер даже на бок ложится. Сильно издергало ему нервы это дело. Так и бросает в краску.

А дело в том, что здесь Кима уже целовала одна девушка. Но это была не Наташа...

По его же глупости все и произошло. Произошло это на именинах деда Федора. Нада, дочь старика, была очень ласкова с Кимом весь вечер. Но Киму и в голову не приходило задуматься, отчего бы. Нада долго не отпускала Кима домой. То патефон просит заводить, то еще что. Уж и гостей никого не осталось — он да тот самый представитель. А Ким все крутит ручку патефона.

Представитель гармонь держит на коленях, а сам все на Надю посматривает. Но Надя только усмехается и садится ближе к Киму. Дед Федор, хотя и был навеселе, даже одернул ее:

— Ты, Надя, это... не больно то... Молод для тебя Кимушка...

— Да, да, верно, дед, — встрепенулся представитель. — Знаете, как сказал поэт: только нецелованных не трогай...

— И для нас, вековух, есть пай в любви! — задорно ответила Надя, ушла в соседнюю комнату, позвала оттуда:

— Ким, иди-ка сюда.

Представитель и дышать перестал, тоже подошел к двери, поинтересовался, вельзя ли и ему зайти. Но, услышав «нет», сам подтолкнул Кима к двери.

Надя стояла посреди комнаты. Ничего не говоря, она обняла Кима и начала целовать.

Ким вырвался из ее объятий, выбежал из комнаты, а потом, ни на кого не глядя, ринулся на улицу...

О многом думает Ким, плавая на своем катере. Вот смотрит он на бесконечные просторы Печоры, и перед ним возникает лицо Нади. Надя — самая лучшая из доярок. Уже пятнадцать лет работает она дояркой: сначала в колхозе, а теперь в совхозе. Всегда она приветлива и ласкова, а тяжелые бидоны носит легко, будто играючи. Славная девушка, но вот... одинокой осталась. Женихов война унесла. А молодым ведь и нужны

Сваха

*Осень.
Янтарными стали поля.
Сваха торопится:
не опоздать бы,
щедро людей одарила земля,
самое время
для пира,
для свадьбы!*

*Сваха ведет разговор под окном:
мол, жениха золотого нашла я...
И вдохновенно толкует о нем,
бойкому лектору не уступая:*

*«Ты на чинару, красотка, взгляни,
гнездышко вьют даже малые птахи.
Счастлива будешь, родная.
Цени
ты доброту бескорыстную свахи».*

*Сваха в ударе.
Семь верст до небес!
«Все ведь о вас я пекусь, молодые...»
Старой мерещится яркий отрез,
что непременно дадут за труды ей.*

*Ну, а невеста,
светлая и тиха,
молвит с улыбкой:
«Согласна я с вами,
лучшего мне не найти жениха —
с ним обо всем
столковались мы сами».*

Перевел с грузинского
Евг. ИЛЬИН.

молодые. «Разве Надя ждала от меня чего-нибудь?» — спрашивает себя Ким, и ему становится жаль ее, неустроенную.

Потом Ким снова видит бабу с внуком, аппетитно жующим хлеб... Видит косматые брови деда Федора... Видит совхозного шофера-татарина, который по субботам кричит ему с берега: «Эй, капитан! Десять пачек «Огонька» привезешь? Привези. Можно и двадцать — спасибо скажу!...»

Вот быstroногая Наташа бежит к нему, шлепая ногами по волне, сверкая лучистыми глазами...

И радостно становится Киму от этих дум. Хочется ему написать матери о том, что дурных людей на свете не так уж много, что хороших — гораздо больше, что каждый человек по-своему интересен, важно лишь, какими глазами ты смотришь на него...

Перевела с языка коми
Луиза РЕКЕМЧУК.

Рисунки В. СТЕКОЛЬЩИКОВА.

НЕСОСТОЯТЕЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

М. НАЗАРОВ-ГАШИН

— В Харьковской области около 600 колхозов, а много ли женщины — председатели правлений! — заинтересовались мы у старшего инспектора по кадрам областного управления производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов Зинаиды Петровны Гончаровой.

Просмотрев списки, она ответила:

— Четыре!

— А сколько женщин — заведующих животноводческими фермами, бригадиров комплексных бригад!

— Это вряд ли кто вам скажет, — задумчиво ответила она. — Такими данными, по-моему, никто не интересовался.

То, что сельских женщин не выдвигают на руководящие работы, не отрицает и начальник областного управления А. П. Бездетко.

— Этому вопросу мы еще не уделяли внимания. Придет срок — и за это дело возьмемся.

Кое-кто из партийных и советских работников области считает, что колхозницы сами отказываются от выдвижения, так как боятся, что на ответственных участках они будут заняты больше, нежели на рядовых работах: ведь у каждой, кроме работы на производстве, еще немало хлопот по дому.

Но обратимся к фактам. Неподалеку от Харькова, в колхозе «Победа», работает доярка Варвара Федоровна Савельева. Там построен новый коровник с доильной площадкой «тандем». Раздают корма механизмы. Доильная площадка оборудована холодильной установкой, откуда молоко автоматически поступает в цистерны для отправки на молочный завод.

Варвара Федоровна — думающий, творческий человек. Сначала она, как и все доярки, кормила и доила при помощи электроаппаратов 15 коров. В начале 1960 года, когда колхозное стадо выросло и стал ощущаться недостаток рабочих рук, Варвара Федоровна взялась обслуживать 25 коров. В январе прошлого года она увеличила свою группу до 50 коров. Надом у нее замечательные. В 1961 году от 40 коров она получила 151 тонну молока. В 1962 году молоко от ее коров было самым дешевым в колхозе. Литр его стоил на две копейки меньше, чем в других группах. Только за минувший год за счет снижения себестоимости ею сэкономлено около четырех тысяч рублей.

О новаторстве Савельевой узнали доярки других колхозов и совхозов Харьковской области. Ее почли подхватами доярка племптицесовхоза «1 Мая» Роза Чумаченко, доярка колхоза имени Фрунзе Валентина Водолажская и другие. По примеру Савельевой они обслуживают по 50 коров.

А сама Варвара Федоровна сейчас работает в новом молочном цехе колхоза. Она теперь одна доит 100 коров и получает за день до двух тонн молока.

Смотришь, как работает Савельева, как умело управляется

В круг танцующих вышел председатель артели Винцас Адомавичюс. Не зря он награжден значком «Отличник художественной самодеятельности».

Альбинас Грималаускас отвечает в колхозе имени Черняховского за дела культурные. Иной подумает: не штатное ли это излишество? Небось, все клубом начинается и клубом кончается...

Повременим, товарищи, с выводами. Давайте заглянем в колхоз.

Раз уж начали говорить о клубе, первым делом побываем в нем. К чести жителей села, он славится не колоннами и люстрами, а лучшей в Капсуковском районе самодеятельностью. В ней участвует каждый четвертый колхозник! Причем не только молодежь. В клубе прекрасный ансамбль из стариков, и даже председатель колхоза Адомавичюс уверяет, что собирается проситься в ансамбль. Впрочем, вряд ли его примут: годами пока не вышел.

Самодеятельность требует много свободного времени. Откуда оно у колхозниц? Дети, кухня, хозяйство — какой уж там клуб!

Но о том, чтобы освободить колхозницу от множества житейских дел, и заботится Альбинас Грималаускас.

Одна только центральная столовая обслуживает одновременно 350 человек. А готовят колхозные повара Элене Ужурайтене и Бируте Исаускайте так, что даже самые капризные кулинарки признают их превосходство над собой и барут обеды на дом. Из центральной столовой обед в термосах доставляется в бригады: так и еда всегда вкусная и поваров нужно в несколько раз меньше.

Дом культуры — одно из рабочих мест заместителя председателя колхоза А. Грималаускаса.

Пищу, приготовленную в центральной столовой, доставляют в специальных термосах в бригадные столовые.

Хозяйка этого уютного дома, Стефа Адомавичене, — уборщица сельской школы. Муж ее, Альбинас, — колхозный механик.

ДЕЛА

КУЛЬТУРНЫЕ

с механизмами, слушаешь, как уверенно, со знанием дела доказывает в правлении целесообразность того или иного решения — и не остается никакого сомнения, что она с такой же уверенностью сможет руководить большой фермой.

Варвара Федоровна работает дояркой четырнадцать с лишним лет. На ее памяти сменилось пять заведующих фермой. У этих людей были разные профессии, но ни один из них даже приблизительно не знал животноводства. Не запомнились ни их имена, ни фамилии. Про одного знали лишь, что он слесарь, жил в Харькове. Заведование фермой было ему не по душе. Кое-как продержавшись года два, он снова ушел работать на завод. После него фермой руководил шофер. Дела от этого нисколько не улучшились. «Не могу здесь работать, тянет к машине», — говорил он.

Потом скотным двором управлял не то плотник, не то каменщик. Словом, заведующие фермами приходили и уходили, а о передовой доярке, досконально знающей на своей ферме все, никто не вспомнил.

Савельевой 33 года. Она депутат областного Совета депутатов трудящихся. На последнем съезде Коммунистической партии Украины Варвару Федоровну избрали членом ЦК партии.

Что же в конце концов препятствует выдвижению Варвары Савельевой, скажем, хотя бы на работу заведующей фермой?

— Видите ли, — объясняли нам, — теперешний заведующий фермой Войтенко был председателем этого колхоза. На последних выборах в правление его не избрали. Пришлось подыскать ему дело. Савельевой, надо полагать, тоже предлагали эту работу, да она, конечно, отказалась. У нее дочь маленькая.

Так ли это? Нет, далеко не так.

— С большим желанием пошла бы я заведовать фермой, — говорит Варвара Федоровна. — При такой механизации, какая у нас, незачем быть на ферме весь день. Я учусь, хочу получить диплом специалиста.

Колхоз имени Фрунзе — хозяйство богатое. Оно имеет четыре молочнотоварные, две свиноводческие фермы и одну птицеферму. В сельхозартеле около 500 работоспособных людей. Больше половины их — женщины. Но на командных участках всюду мужчины.

И так почти в каждом колхозе. Женщины в поле, на животноводческих фермах. А бригады, заведующие фермами, председатели колхозов — мужчины. В колхозе «Завет Ленина», Красноградского производственного колхозно-совхозного управления, например, немало доярок, свинок, работников полеводства окончили десятилетку и продолжают заочно учиться в вузах. Тем не менее заведующими фермами, бригадами полеводческих и садовых бригад, даже кладовщиками работают только мужчины. А ведь многие колхозницы по образованию, трудовому стажу, знанию колхозной жизни далеко опередили их.

Такое положение не только в Харьковской, но и в Днепропетровской области.

Вот что говорят цифры. В Днепропетровской области 356 колхозов, но только в четырех из них председателями правлений избраны женщины. В колхозах области 1153 животноводческие фермы, но лишь 98 фермами заведуют женщины. Производственно-комплексных бригад в колхозах насчитывается 1294. И только в 29 бригадах бригады — женщины.

Комментарии, конечно, излишни.

Харьков — Днепропетровск.

Механизаторов и животноводов колхоз обеспечивает спецдеждой.

И все-таки всем не угодишь. Кое-кто и колхозниц продолжает готовить дома благо это не так хлопотно: в некоторых квартирах уже есть газ, не нужно возиться с печью. Благоустройство жилищ, кстати, тоже входит в обязанности Грималаускаса.

Но благоустроить дома колхозников еще не значит ввести культуру в быт, надо позаботиться и о том, чтобы комнаты в них выглядели... ну, например, так, как у Стефы Адомавичене.

В сельхозартеле имени Черняховского работают 1200 человек. А газет и журналов они получают тоже 1200! И все это за счет колхоза.

На первый взгляд может показаться, что от этого хозяйству только убыток. Но, оказывается, такой «убыток» приносит доход. Печать помогает людям не только интересней жить, но и лучше работать.

О новой агротехнике в колхозе думают не один-два человека, не группа специалистов, а все. И помогают в этом газеты и журналы. Шесть лет уже не пропальвают колхозницы кукурузу, шесть лет не беспокоят агрономов сорняки на полях. Гербициды пришли на помощь. А узнали о них из печати. Раньше на беконном откорме работали четверо, теперь — одна Гражина Эйдукинене. Свиной у нее столько же, сколько было у четверых, а работать стало легче и затраты меньше. Почему? Сухое кормление. Прочитали про новшество в бело-

В дом пришли бытовые удобства, новая мебель. Но пожилым людям трудно расставаться с привычными вещами. Эта пралка жужжала, наверное, и в прошлом веке.

русском колхозе «Рассвет» и применили его у себя. Таких примеров много.

Пожалуй, правильно делают колхозники, считая культуру такой же важной отраслью производства, как животноводство и полеводство.

Много забот у Альбины Грималаускаса. И далеко не все еще вопросы решены. Вот один из них:

Марцелле Шюгдинеже 20 лет. Четвертый год выращивает она на ферме поросят. Марцелле довольна своей жизнью и работой. В колхозе ее любят и уважают. Когда принимали в партию, товарищи сказали о ней так много хороших и добрых слов, что молодая свинка даже растерялась. Она ведь обыкновенная девушка: любит ходить в кино, читать интересные книжки, петь и танцевать. Живет в общежитии. Только общежитие не совсем обычное. У Марцелле, например, отдельная комната и кухня. Это справедливо, что она и другие животноводы живут в хороших условиях, а не в комнате на двадцать кошек. Ведь они проводят в общежитии не день и не два в неделю.

В общем, в жизни Марцелле все благополучно. Но есть одна заноза в сердце. Образование — семь классов. Хотелось бы учиться дальше. Но животноводам учиться трудно: слишком много времени отнимает ферма. Даже теперь, когда на помощь пришла техника.

Может, организовать на фермах сменную работу? Как-то иначе проводить занятия в вечерней школе? Думайте, товарищ Грималаускас, Марцелле ждет.

...Да, беспокойная эта «отрасль» — культура. В цифры колхозных доходов ее не уложишь. Но влияние ее на жизнь артели огромное: и на труд людей, и на отдых, и на настроение, и на те же самые доходы.

И. СОЛОВЬЕВА

Фото А. ГЕРИНАСА.

Литовская ССР.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Вот уже год мир внимательно присматривается к Испании: что же там происходит? В Бильбао, в Овьедо, в Барселоне — забастовки. В Мадриде — демонстрации. Политическая погода страны становится, видимо, все более неустойчивой. Но сведения об этом едва просачиваются. Испанские газеты, например, много и подробно писали о проливных дождях в Старой Кастилии, но ни словом не обмолвились о крупной забастовке в Сан-Себастьяне. А между тем испанские рабочие ведут упорную борьбу.

Все началось с событий на астурийских шахтах «Риера» и «Ла Николаса», где предприниматели в начале апреля уволили нескольких горняков. Шахтеры выступили в защиту товарищей и объявили забастовку. Хозяева уперствовали. Так продолжалось несколько дней. Тем временем все новые и новые шахты присоединялись к горнякам «Риера» и «Ла Николаса». Забастовка перекинулась на соседние промышленные провинции севера Испании — Бискаю и Гипускоа. Поднялись рабочие металлургических и машиностроительных предприятий.

Чтобы изолировать север от остальной страны, в восставших провинциях было введено чрезвычайное положение и туда направлены крупные подразделения армии и полиции. Солдаты заняли заводы и фабрики, по улицам шахтерских поселков патрулировали усиленные наряды, людям не разрешалось собираться группами, многочисленны аресты рабочих следовали один за другим.

Но бастующие держались сплоченно, мужественно перенося тяготы, вызванные длительным отсутствием работы. И в своей борьбе они были не одиноки. По стране тайно шел сбор средств для забастовщиков и их семей. Крестьяне, таясь от властей, привозили им продукты. Даже торговцы сочувствовали шахтерам и продавали им товары в кредит.

Шахтеров Астурии поддержала вся Испания. Забастовки охватили Кордову и Левант, Хазн и Кастилию, Андалузию и Каталонию, Эстремадуру и Валенсию... Горняки и металлурги, текстильщики и

докеры, батраки и строители 22 провинций Испании требовали увеличения заработной платы — «150 песет в день как минимум!», — создания свободных от контроля правительства профсоюзов, амнистии политическим заключенным. Лавина забастовочного движения докатилась до Балеарских и Канарских островов и даже затронула рабочих на американской военной базе в районе Сарагосы.

Забастовки все более приобретали политическую окраску. Рядом с рабочей Испанией поднимались студенты и интеллигенция. Демонстранты в Мадриде и Барселоне требовали освобождения арестованных шахтеров. Женщины Астурии, Леона, Пуэрто-Рио устраивали манифестации у муниципалитетов и полицейских участков, выступая в поддержку своих отцов, мужей и братьев. Особо многолюдной была демонстрация женщин Мадрида.

Такого всенародного выступления против своей диктатуры Франко не знал со времен гражданской войны в Испании.

Еще не кончились аресты участников апрельско-майских забастовок, как по стране одна за другой прокатываются новые волны забастовочной борьбы:

в июле бастовали портовики и рабочие химических предприятий Санта-Крус-де-Тенерифе;

в конце августа снова прекратили работу 20 тысяч астурийских шахтеров; в начале сентября забастовали докеры порта Малаги, крестьяне провинции Кадис;

в середине сентября в Корнелье, около Барселоны, начали забастовку 2 тысячи рабочих электротехнического предприятия «Сименс». На заводе произошла стычка между рабочими и полицией.

Чтобы разгромить самый опасный очаг борьбы — Астурию, пришлось прибегнуть к маневру. Правительство призвало шахтеров приступить к работе и обещало повысить заработки. Но это была попытка расколоть ряды рабочего класса и выиграть время. В ответ горняки заявили, что они приступят к работе только в том случае, если декрет об увеличении заработной платы будет опубликован в официальном правительственном вестнике, а все их арестованные товарищи выпущены на свободу.

И Франко впервые за последние 26 лет все-таки вынужден был пойти на уступки — повысить заработную плату многим категориям трудящихся.

Четверть века простому испанцу твердили «о социальной справедливости», «об отсутствии в Испании классовых противоречий». Теперь народ уже не верит этим басням.

Да и какая может быть «социальная справедливость», если у миллионов трудящихся заработная плата даже после повышения ниже прожиточного минимума! К тому же непрерывный рост цен сводит на нет частичные победы рабочего класса.

В то же время в 1961 году 257 крупнейших компаний Испании получили 19 миллиардов песет прибыли!

Что же касается крестьян, то они живут в таких нищенских условиях, каких нет ни в одной из стран Европы.

Сельское хозяйство является единственным источником существования для 15 миллионов испанцев, что составляет половину населения страны. 4 миллиона крестьян — безземельные. Они вынуждены арендовать участки у помещиков, отдавая за это почти весь урожай. Кроме того, в Испании более 2 миллионов батраков, скитающихся по стране в поисках работы. Гонимые нуждой, крестьяне бросают хозяйства и уходят в города — в Андалузию или в Эстремадуру сейчас не редкость почти обезлюдевшие деревни. Однако и в городах крестьян ждет нелегкая судьба. Не имея профессии, они вынуждены перебиваться случайными заработками.

Крайняя нищета народных масс привела к массовой эмиграции. Испанцы бегут от нищеты, от безработицы, от преследований и репрессий.

Ведь тюрьмы Испании переполнены. В них до сих пор томятся сотни политических заключенных, проведенных во франкистских казематах по 10, 15, 20 и более лет. Только с 1958 года по сентябрь 1962 года в Испании состоялось 78 закрытых процессов над антифашистами, которых судили за участие в забастовках, за принадлежность к различным политическим организациям.

22 сентября в Барселоне к 30 годам тюрьмы был приговорен антифашист Хорхе Коминс.

24 сентября в Мадриде был оглашен приговор по делу участников весенних забастовок. Член ЦК КПИ Рамон Ормасабаль и его товарищи получили от 4 до 20 лет тюрьмы. Среди осужденных оказался известный испанский поэт де Николас.

20 октября в Мадриде же осуждены 11 молодых людей, в основном студенты. Студент Санчес Руано приговорен к 28 годам тюремного заключения. Другие получили от 6 до 12 лет.

Такова мрачная летопись преступлений франкистского режима, наивно полагающего, что зверскими расправами ему удастся подавить волну народного движения. Но эти попытки тщетны.

В свое время Франко сказал, что он отвечает лишь «перед богом и историей». Что касается бога, то это дело, как говорится, хозяйское. А вот насчет истории, то перед ней и в первую очередь перед испанским народом Франко придется нести ответ. Грозные тучи все более сгущаются над каудильо. Испания продолжает борьбу, и решающее слово в ней принадлежит мужественному испанскому народу.

И. КСЕНОФОНТОВ

У этого испанца нет ни работы, ни жилища...
Фото из французского журнала «Эр клер».

Мишура

году за самоотверженную работу была награждена орденом Ленина...

Давно отгремели залпы. Но и в мирное время не оставляет Мишура профессию, с которой сроднилась в тяжелые военные годы.

М. УРУМОВ,
учитель

Село Ардон.
Северная Осетия.

Егоровна

В совхозе «Дятково» долго не было своего электросварщика. Приходилось приглашать людей из районного центра, из рабочего поселка Любохны. При необходимости механизаторы и сами брались за щиток и электродержатель. Но заварить деталь удавалось не каждому.

Мимо мастерской часто проходила Таисия Егоровна Савоничева. На минутку остановившись, она укоризненно качала головой:

— Да кто же так варит?

— Ты, тетка, иди своей дорогой,— отмахивались механизаторы.— А то взяла бы да показала.

— Что ж, могу и показать. Вы не смеетесь. Я ведь в молодости на заводе варила, премии получала.

Однажды Егоровна полела свеклу. У одной из работниц сломалась тяпка. В обеденный перерыв она вместе с Егоровной пошла к сварочной. У аппарата сидел молодой паренек.

— Это ты, сынок, заведешь тут? — обратилась к нему женщина.— Нам бы вот заварить.

— Посторонним варить не имею права,— с пренебрежением ответил паренек.— Обращайтесь к начальству, оформляйте заказ.

— Да тут же, голубчик, одна минута. Я тебе заплачу, не сомневайся.

— Вот это разговор.

И тут Егоровна не выдержала:

П а т р и о т к и

Об этих двух славных женщинах в Красноярском крае говорят как о людях большой совести и чистого сердца.

Впервые за штурвал комбайна Анна Яковлевна Букал встала 26 лет тому назад. Честным, самоотверженным трудом она завоевала почет и уважение земляков. Они избирали ее депутатом Верховного Совета СССР.

Когда в Минусинске создавалось училище механизации сельского хозяйства, потребовались опытные мастера производственного обучения. И в числе первых на работу сюда была направлена Анна Яковлевна.

Давно связала свою жизнь с машинами и Раиса Тимофеевна Занозина. Училась она у отца. Сначала была штурвальной, потом старательной и смысленной девушке доверили комбайн. В колхозе «Спартак», Минусинского района, она за сезон убирала по 400—500 гектаров зерновых. Четыре года назад Раиса Тимофеевна была избрана секретарем Мало-Минусинского сельсовета.

Осенью прошлого года бывшие механизаторы Красноярского края выступили

— За такую пустяковину брать деньги! А ну, давай сюда электродержатель!

— Возьми, возьми, тетя,— ухмыльнулся паренек.

Вокруг работающей Егоровны собрались механизаторы. И когда она протянула работнице готовую тяпку, они громко засмеялись над посрамленным сварщиком.

Вскоре заведующий мастерской Роман Иванович Баранов пригласил Савоничеву.

— Иди-ка, Егоровна, к нам,— сказал он ей.— Согласна? Тогда завтра же за работу.

С тех пор минуло четыре года. Отлично работает Таисия Егоровна. Никогда не услышишь от сварщицы, что, мол, подожди до завтра, рабочее время истекло.

Однажды был такой случай. Кончились электроды. Казалось бы, Савоничевой делать нечего, но она не ушла из мастерской. Навела порядок: аккуратно сложила детали, подмела пол, принесла бачок с водой. К концу дня электроды поступили. За время, пока их не было, сварочных работ скопилось очень много. Егоровна допоздна не уходила домой. А на следующий день тракторист Алексей Кортавец ворвался к заведующему мастерской.

— Роман Иванович, нельзя ли мне сделать срочно? — волновался он.— Второй день машина стоит.

— А ты смотрел свой заказ? — спросил Баранов и, улыбаясь, добавил: — Иди, забирай у Егоровны.

— Неужели готова? — обрадовался Кортавец.— Вот это класс!..

Много теплых и сердечных слов можно услышать от механизаторов совхоза о Таисии Егоровне Савоничевой.

Александр АНИСИМОВ,
тракторист

Дятковский район,
Брянская область.

Однажды заглянул я в нашу ремонтную мастерскую. Сам я по профессии учитель, и раньше как-то не доводилось заходить туда. А тут понадобилось найти одного тракториста.

В инструментальном цехе я встретил уже немолодую женщину с чуть усталым, но все еще красивым лицом. Изпод ее косынки выбивались пряди седых волос.

Я сразу узнал Мишура Тхансаеву — кто же в нашем совхозе не знает эту самоотверженную работницу, одну из первых трактористок Осетии!

Мишура склонилась над сверлильным станком. Маленькие руки ее действовали уверенно и быстро.

В цех вбежал молодой парнишка, шофер Тавгазов. Он принес инструменты.

— Хорошо вычистил? — спросила Мишура.

— Да.

— А что это у тебя с рукой?

— Да ерунда, прищемил.

— Ну-ка, стой. Из-за такой ерунды рука может из строя выйти. И как вы все неосторожны...

Женщина открыла аптечку, промыла рану и перевязала ее. Чем-то теплым, материнским повеяло от ее заботы...

Мишура работает слесарем-инструментальщиком. В комнате, где у нее хранятся инструменты, всегда чисто, уютно. Детали, запасные части аккуратно разложены по полкам.

А если тракторист или комбайнер не обнаружит нужную деталь, Мишура изготовит ее сама...

Большая трудовая жизнь за плечами этой женщины. В сорок первом ушел на войну муж, осталась Мишура с маленькой дочкой и старухой свекровью.

— Береги их,— сказал ей на прощание Хазби.— Главной семье остаешься.

Да, пришлось взвалить на свои плечи и все заботы о семье и новую, считавшуюся до этого мужской работой. Мишура решила стать трактористкой.

Трудно пришлось сначала. И не только потому, что нужно было быстро освоить незнакомую машину и без промедления включаться в работу. Горько обижало Мишура то и дело проскальзывающее в разговорах механизаторов недоверие, даже пренебрежение к ней: чего, мол, ждать от женщины?

Не жалела ни сил, ни времени, чтобы преодолеть это недоверие, и уже через год стала одной из лучших трактористок Ардонской МТС. А в сорок четвертом

Р. Т. ЗАНОЗИНА.

А. Я. БУКАЛ.

с призывом помочь хозяйствам быстро и без потерь убрать урожай. Анна Яковлевна Букал и Раиса Тимофеевна Занозина тоже решили пойти на передний край — к штурвалу комбайна. По 25—30 гектаров хлеба скашивала за смену каждая патриотка. За осеннюю страду они убрали по 460 гектаров зерновых.

И. ПОРФИРЬЕВ
Фото автора.

Минусинский район,
Красноярский край.

Участковый

Он лежал, раскинув руки, и глядел в ясное небо. В глазах его меркла жизнь. Напуганные выстрелами женщины, столпившиеся у магазина, не сразу решились подойти к нему. Они молчали. Одна наклонилась и осторожно, словно глядя, вытерла струйку крови, стекающую за ворот милицейского кителя...

В те места и был назначен новым участковым Василий Иванович Ендалов, тогда еще старшина милиции. Он приехал из Горького в Лысково, выслушал напутствия начальника районного отделения и направился к пристани.

Потрепанный катерок медленно, как бы нехотя, полз к другому берегу Волги. Впереди все отчетливее вырисовывались белые стены монастыря, а левее от них — село Макарьево.

Хмурыми были тогда и лицо и мысли Василия Ивановича. Ему достался тяжелый участок. На территории почти десять тысяч населения, девятнадцать сел и деревень. Из конца в конец около полусотни километров. Нелегко одному за всем уследить, везде поспеть. Вспоминал Василий Иванович и о своем предшественнике, участковым милиционере, погибшем от мстительной руки бандита.

С того дня прошло шесть лет. Василий Иванович Ендалов живет с семьей в небольшом домике в Макарьево. Льет ли затяжной дождь, размывая и без того трудные дороги, бушует ли вьюга, стоит ли изнуряющая жара — он уходит спозаранку и возвращается лишь к полуночи. И так каждый день.

— Угломись малость. Не мальчик

ведь. Мы с Лидой тебя не видим вовсе...— просила его поначалу жена.

— Погоди, вот налажу дела, тогда и отдохну...— отвечал он.

Дела он наладил, подобрал себе в деревнях надежных помощников, но сам по-прежнему дома почти не бывает.

Варвара Яковлевна уже не уговаривает мужа поберечь себя. Она привыкла ждать его, прислушиваясь, не скрипнет ли дверь, и только до сих пор еще вздрагивает, когда вдруг затрещит на тумбочке телефон.

Схитрила однажды Варвара Яковлевна и скрыла от мужа, что вызывают его в другую деревню: там у какой-то колхозницы украли поросенка. Решила: пусть поспит спокойно, успеется... Был скандал. Никогда за много лет она не видела его таким.

— Да как ты посмела! Понимаешь, ко мне человек за помощью обратился, а я по твоей милости на кровати храплю. Что же после этого про милицию народ подумает? Такое — в последний раз!

«Для других назнанку себя вывернет, его не переделаешь»,— подумала Варвара Яковлевна. И завела тетрадку, в которую, не надеясь на память, стала записывать, кто и зачем заходил или звонил.

Незаметно для себя она втянулась в дела Василия Ивановича и в глубине души теперь даже гордится тем, что помогает мужу. Она знает имена и фамилии всех, с кем за годы работы столкнулся сельский участковый, и считает своим долгом за завтраком «проинструктировать» лейтенанта.

— Секретаревы приехали. Ты того... погляди за ними... Не ровен час, опять их обворуют.

— Будет исполнено...— улыбается Василий Иванович.

Он вспоминает взволнованное лицо молодой женщины. Она прибежала чуть свет и заголосила:

— Помогите, товарищ милиционер, погибла я! Ночью магазин обчистили, на одиннадцать тысяч товару одного украли, сволочи! А я заведующая...

Василий Иванович вызвал по телефону из Лыскова оперуполномоченного с собакой. Осмотрели разбитое оконное стекло, разломанные ставни. Засов, закрывающий ставню изнутри, был перебит ножовкой.

Ночью лил дождь, смывший следы преступника. В помещении острый запах нафталина приглушил у собаки чутье. Ничего обнадеживающего узнать не удалось. Сторож сообщил, что он не спал, но никакого шума не слышал.

Казалось, вор так и останется безнаказанным. А Василий Иванович понимал: этого допустить нельзя. И не только потому, что государству нужно вернуть убытки. Надо, чтобы все те, у кого в голове шевелятся темные мысли, твердо, как дважды два, усвоили истину: за преступлением неизбежно последует кара.

Больше десяти дней прожил участковый в этой деревне. Он подолгу беседовал с колхозниками, бродил, задумавшись, от магазина до дома Секретаревых и дальше — в поля. Исчезал неизвестно куда, возвращался снова.

Наконец постучал он и в избу заведующей магазином. Она и муж ее Вячеслав встретили милиционера радостно:

— Чайку выпьешь, Василий Иванович, или, может, чего покрепче? Ну как, есть новости?

Участковый присел на предложенный табурет и сказал тихо, но внятно:

— Признавайся, Секретарев, с кем ты магазин ограбил и куда товар спрятал?

Обескураженный вопросом, Вячеслав молчал. Жена его теперь не плакала, не голосила — она зло поглядывала на участкового.

— Не крути, Секретарев, не поможет, — продолжал Василий Иванович. — Хочешь, расскажу тебе, как дело было? Жена поехала к родным, ключи тебе оставила, и, сдаётся мне, знала она, что ты затеял. В тот вечер ты на виду у всех баню истопил и вроде бы спать лег. А сам ночью открыл ключами замок магазина. Темно, сторож не заметил, как ты туда проскользнул. Изнутри ты потихонечку засов на ставне перепилил и стекло выставил, чтобы на других подозрение навести. Рассчитал так: разве подумает милиция, что муж заведующей магазин ограбил? Тем более, сами вы и заявили о краже. А помогал тебе брат твой двоюродный Круглов, он тебя в отделении дожидается. Ну, отвечай, где товар спрятал?

— Под скирдой... — выдавил Секретарев.

— Собирайся, пойдем! Работать честно надо, коли жить богато хочешь, так-то...

После этого случая колхозники стали еще уважительнее говорить об участковом: «Этот хваткий, от него воруя не укрыться». И они не ошиблись: всякий раз, сколько ни стоило бы ему это трудов, изобличал Василий Иванович преступников. Кражи на его участке перевелись совсем.

А дел не убавилось, потому что в работе участкового, если у него беспокойное сердце, нет мелочей.

Однажды привел домой Василий Иванович веснушчатого худенького мальчишку лет десяти.

— Собери-ка нам ужин посытней, проголодались мы с Петром Кастрюлиным, — попросил жену участковый.

Мальчик ел быстро, почти не прожевывая. Поглядывал вокруг исподлобья, опасливо. Отвечал неохотно.

— За сколько бинокль продал, тот, что у капитана катера украл?

— За рубль...

— Школу бросил?

— Ага...

— А почему из дома убегаешь?

— Отчим дерется...

— А мать не заступается?

— Нет. Они все промеж собой ругаются. Пьет он шибко.

— Так... Ничего, Петр, это мы как-нибудь уладим...

А через месяц мальчишка догнал участкового на улице. Он протянул серебряную монету.

— Дядя Вася, вы в Лысково? Купите учебник по русскому для третьего класса. Да вы не подумайте чего плохого, деньги мне мамка дала. — И сообщил доверительно, как взрослый взрослому: — А отчим пока не пьет, здорово вы его тогда прилупнули. Да и дружинники за ним присматривают. Так-то он ничего, когда трезвый...

Еще в первый день своего пребывания в Макарьеве познакомился участковый с местными кутилами. Около сто-

ловой его схватила за рукав заплаканная женщина. Она говорила сбивчиво, Василий Иванович не сразу ее понял.

— Там он... с дружкой, будь они прокляты! Третий день деньги последние пропивают. Отберите хоть что осталось... ради детей прошу!..

Муж женщины сидел за столиком с довольной ухмылкой. Ватной от хмеля рукой он наливал, расплескивая, водку в стаканы приятелей. На полу валялись порожние поллитровки.

За этими бутылками ясно увидел Василий Иванович разбитые семьи, исковерканные судьбы и твердо решил жить на своем участке пьянство.

Порядок он навел довольно быстро. После серьезного разговора с работниками сельсо и столовых зайдлым гулякам водку продавать перестали, в облюбованных ими местах появились патрули дружинников. Но попойки, кончавшиеся порой драками, все же не прекращались.

Василий Иванович догадывался, что за его спиной действуют люди, промышляющие продажей спиртного. С этими борьба была нелегкой и долгой.

Участковый с помощью дружинников отыскивал следы самогонщиков, заставал их врасплох, когда из змеевика аппарата стекала капельками подлая жидкость. Одних Василий Иванович штрафовал, других привлекал к уголовной ответственности. Последней из тех, кто спивал людей, была Клавдия Уруева.

С первыми петухами просыпается село Валки. Колхозницы артели «Большевик» спешат на поля и фермы. А Клавдия спит — ее работа начнется вечером.

Но вот стемнело. Условный стук в дверь, разговор шепотом:

— Клавка, дай поллитровку!..

Уруева расправляет скомканные бумажки, пересчитывает мелочь, протягивает гостю бутылку. Снова стук, снова шепот: «Клавка, дай поллитровку!..»

Последним, неожиданным и нежеланным гостем Уруевой был Василий Иванович.

— Что же ты водкой меня не потчувешь? — спросил он.

— Откуда ей взяться-то? — залебезила Клавдия. — Слухи все это напрасные, не верьте злым бабам.

— Слухи? А на какие доходы ты живешь? А почему, к примеру, шофер бензовоза Чернов Виктор чут в аварию не попал? Вот, читай свидетельские показания — признались твои покупатели. За шинкарство перед общественным судом ответ держать будешь. Штраф уплатишь, приготовься сразу, немалый. И знай: коли в пять дней на работу не выйдешь — вышлем. Слово даю!

А слово участкового крепкое — про то всей округе известно. Тут не до шуток. И наутро, опустив голову, сторонясь колхозниц, затрусил шинкарка в правление артели...

Нет такого дня, чтобы макарьевский почтальон обошел дом Ендаловых.

Письма участковому приходят разные: короткие и длинные. Одни благодарят за помощь, другие просят разобраться в семейной неурядице, третьи сообщают о каком-нибудь беспорядке. А он должен, говоря языком рапорта, принять меры.

Недавно почтальон принес конверт, в котором было заявление пенсионера Михаила Павловича Оскалина. «Настоящим довожу до Вашего сведения, — писал он участковому, — что гражданка Оскалина Евдокия Даниловна нигде не работает и занимается хищением колхозного леса на дрова. Привлеките ее к ответственности, это будет служить примером другим...»

Однофамильцы? Нет, похоже, родственники. Да, трудно должны ложиться на бумагу такие строки. Принципиальность борется с жалостью, совесть с сердцем.

На другой день Василий Иванович был в деревне Верхний Красный Яр. Оскалина Евдокия Даниловна, старая женщина, призналась сразу:

— Брала я по охапчке... А куда денешься? Топить-то надо. Дочка моя Валентина после операции больная лежит. Одна я, и по хозяйству подсобить некому.

У Василия Ивановича сошлись брови, он с ненавистью глянул на соседний дом. Там живет вместе с взрощенным сыном «принципиальный» Михаил Павлович Оскалин. Он не поддерживает жену своего покойного брата, нет. Он будет и дальше строчить доносы.

— Склончик!.. — еле слышно произнес участковый.

— Ну, подтвердились фактики? — обрадованно спросил лейтенанта Оскалина.

Василий Иванович грубо перебил его: — За клевету будете вызваны в товарищеский суд! Все.

— В какой суд? Я жаловаться стану, напишу...

— Пиши... — Участковый хотел сказать «мерзавец», но вспомнил про погоню и, круто повернувшись, зашагал в правление.

Председатель артели Константин Иванович Слепов слушал Василия Ивановича, виновато качал головой.

— Да, нехорошо получилось, — согласился он, — ведь тридцать лет Евдокия Даниловна в колхозе трудилась. Дел, знаешь ли, по горло, вот и проглядели. Дровами мы, конечно, старушку снабдим. Спасибо, что напомнил...

Трудно сосчитать километры, которые отмерил в здешних местах Василий Иванович. Даже начальство, отметившее безупречную службу лейтенанта Ендалова именными часами, вряд ли знает, сколько раз награждали его сами колхозники коротеньким словом «спасибо», после которого всегда светлело лицо участкового. Твердый и чуткий, работага и скромница, он стал верным другом десяти тысяч труженников. Стал потому, что на любой дороге вместе с ним шагает рядом большая правда народа, строящего коммунизм. Подобно земледельцу, пропальвающему поле от сорняков, не пожалев о вора, спекулянта и клеветника, подобно садовнику, спасающему больное дерево, поможет оступившемуся.

— Где сегодня работал? — спросит дома мужа Варвара Яковлевна.

— В Верхнем Красном Яре, — ответит Василий Иванович.

— А завтра где будешь?

Завтра, как и всегда, участковый будет там, где он нужен людям.

Лысковский район.
Горьковская область.

И. БОБРОВ

Фото А. ШАПИРО.

БОЛЬШЕ МОЛОКА —

Остановила меня как-то Евдокия Ивановна Гольцева, доярка из нашей бригады, и с обидой спрашивает:

— Что же это ты меня обсчитываешь? Почему дополнительную оплату не начислила?

Посмотрела я ведомости, вижу — моя промашка: надоила Евдокия Ивановна за август 296 литров, а план был 280. Значит, полагается ей дополнительная оплата. Ну извинилась я, конечно, исправила ошибку, а сама подумала: не зря ввели у нас новый порядок планирования и оплаты труда. Научил он доярок за каждый литр молока бороться.

Второй год оплачиваем мы труд доярок по-новому. В январе экономист Андрей Иванович Белинский вместе с зоотехником и бригадирами составляет план надоев не только по каждой ферме, но и по каждой группе коров, закрепленных за той или иной дояркой. При этом учитываются надои прошлых лет, возраст коров, количество лактации. Вот, например, Евдокии Ивановне Гольцевой надо было надоем за год по 2 700 килограммов молока на фуражную корову, а Марии Ивановне Зориной — по 2 200 килограммов, Анне же Арсентьевне Орловой, которая ухаживает за первотелками, — всего лишь по 1 600 килограммов молока.

Этот годовой план разбивается по месяцам, в зависимости от сроков отела коров. Каждая доярка знает, когда и сколько она должна надоем молока. Знает она и о том, что заработок ее зависит от выполнения месячного задания; и основная и дополнительная оплата начисляется у нас ежемесячно. За литр молока при ручной дойке летом платят по полторы копейки, а зимой — по две с половиной. Если же доярка полностью выполнит месячный план, за каждый литр молока ей будет выплачено еще по полкопейки, а за литр, надоенный сверх плана, — уже по полторы копейки дополнительной оплаты. Таким образом, за каждый сверхплановый литр доярка получает летом три, а зимой четыре копейки.

Как же тут не бороться за выполнение и перевыполнение плана!

Возьмем хотя бы заработки той же Гольцевой.

В июле при плане 300 литров молока на фуражную корову она надоила по 321 литру и получила основной оплаты 69 рублей 72 копейки, дополнительной за выполнение плана — 23 рубля 24 копейки и за перевыполнение — 2 рубля 87 копеек, а всего 95 рублей 63 копейки, да за выращивание телят ей начислили отдельно. В сентябре в связи с тем, что часть коров у нее ушла в запуск, план надоев ей был уменьшен до 210 литров на корову, но и тут она перевыполнила его, надоев по 222 литра, и ей было начислено основной оплаты за мо-

локо 48 рублей 45 копеек и дополнительной соответственно 22 рубля и 3 рубля 60 копеек. Всего, значит, 74 рубля 05 копеек.

Зато в марте, когда месячный план не был ею выполнен, она получила всего 62 рубля 88 копеек.

Одно из достоинств новой оплаты труда я вижу в том, что она заставляет животноводов не меньше полевых заботиться о заготовке кормов. Потому-то и обеспечен наш скот на зиму кормами: и сена накосили и силоса заложили немало. Конечно, за эти работы животноводом отдельная плата шла, но все равно колхозу выгода: то, что мы получим от государства за сданное сверх плана молоко, с лихвой перекроет все затраты на дополнительную оплату.

Так вот о заготовке кормов. Возьмем хотя бы осенние месяцы. Коровы на выпасах. Но без подкормки надои не повысишь. А подкармливать есть чем: и вика посеяна, и сахарная свекла хорошо уродилась; посадили мы ее впервые на 38 гектарах и убедились: стоящее это дело, хорошие она в наших краях урожаи дает. Только вот беда, полеводы больше внимания уделяют льну, да и рабочей силы в колхозе маловато. Ну и предложили мы дояркам: «Хотите план по молоку выполнить, косите зеленку, возите сами с поля свеклу». И вот доярки то воз вика накосят, то свеклы подвезут. Коровы у них сыты и надои выше.

Строится в нашей бригаде новый скотный двор для беспривязного содержания коров с доильной установкой типа «елочка». Доильный зал уже готов, аппаратура смонтирована, осталось только достроить коровник, оборудовать выгульную площадку.

Но заметила я, что доярки волнуются: не снизятся ли их заработки при переходе на механическую дойку? Спросила я об этом Белинского. И он с расчетами в руках показал мне, что бояться нечего.

Почти год работает «елочка» в четвертой бригаде нашего колхоза. Там дояр-механизатор и две доярки обслуживают 170 коров. Тут уж индивидуальный план для каждой доярки не составишь. Планировать можно только по всей ферме в целом. Но и в этом случае дополнительная оплата начисляется ежемесячно.

Получают на «елочке» доярки основной оплаты по 40 копеек за центнер молока. Если план будет выполнен, им за каждый центнер начисляют еще по 8 копеек, а за ка-

ждый сверхплановый центнер молока — по 18 копеек. Работающие на «елочке» зарабатывают по 90—110 рублей в месяц.

Так что при переходе на беспривязное содержание и механизированное доение выигрывают и доярки и колхоз. Подсчитал Андрей Иванович, что на нашей ферме стоимость затрат труда на производство центнера молока 2 рубля 93 копейки, а в четвертой бригаде — 1 рубль 98 копеек: ведь там вместо тринадцати человек только трое на дойке занято.

«А куда же нам податься?» — спрашивают меня доярки. Разъясняю я им, что без работы они не останутся: в одном только животноводстве сколько рабочей силы требуется: из года в год поголовье растет! Телятницы тоже получают, кроме основной, и дополнительную оплату за привесы в зависимости от выполнения ежемесячного планового задания. За каждый плановый центнер привеса им начисляют по 2 рубля, а если план будет перевыполнен, оплата уже за весь привес пойдет по 3 рубля.

Дополнительная оплата введена у нас и в полеводстве. Колхозники получают в среднем от 15 до 40 процентов стоимости сверхплановой продукции. Но, думается, систему оплаты труда можно и нужно еще совершенствовать, чтобы как можно больше заинтересовать колхозников в увеличении производства зерна, мяса, молока и других продуктов.

Вот, например, решили мы за повышение жирности молока на 0,1 процента сверх базисной в конце года выдавать премию 20 рублей, но эту премию дояркам выдать не смогли, так как не определяли регулярно жирность молока по каждой группе коров. Поэтому и настоящей борьбы за повышение жирности у нас еще нет.

Помню, на одном из совещаний нас упрекнули, что очень уж сложные планирование и учет мы завели. А что тут сложного? Каждой доярке или телятнице и нужно всего-навсего две цифры запомнить: годовое и месячное плановое задание — да знать расценки по основной и дополнительной оплате.

Может быть, в других колхозах разработана более совершенная оплата труда? Хотелось бы, чтобы животноводы, экономисты, учетчики поделились своим опытом на страницах журнала. Материальная заинтересованность колхозников в результатах своего труда — одно из главных условий подъема сельского хозяйства. Вот почему так важно повести сейчас большой разговор о совершенствовании организации оплаты труда.

Г. БАРДАЧЕВА,
учетчица 1-й бригады
колхоза «Путь Ленина»

Кашинский район,
Калининская область.

ВЫШЕ ОПЛАТА

НЕТ НИЧЕГО ИНТЕРЕСНЕЕ В ЖИЗНИ

нение своей жизни, начиная по вечерам заниматься в школе, в техникуме, институте?

Перед нами письмо: «Дорогая редакция, мне 31 год. Я работаю бухгалтером в колхозе. Кончила курсы счетных работников. Думала в этом году поступить в заочный финансовый институт, да узнала, что после его окончания зарплата будет у меня такая же, как и теперь. Срочно ответьте, так ли это. Если да, поступать в институт, конечно, не буду. Зачем?»

Дальше следует подпись, которую мы намеренно сокращаем: «Нина С.». Мы не хотим заставить автора этого письма краснеть.

У нас в стране человек получает за ту работу, которую он выполняет. И если женщина, написавшая нам, после окончания института будет выполнять ту же работу, что и сейчас, она, вероятно, не выиграет в заработной плате.

Но разве ей безразлично, как она выполняет свои служебные обязанности?

После окончания института и даже еще учась в нем, она сможет работать более четко, квалифицированно. И сама работа станет легче и интереснее. Она сумеет за скудными цифрами сводок и отчетов увидеть и понять закономерности в развитии колхозного хозяйства. По силам будет ей вмешиваться и в планирование. Вся многообразная творческая красота профессии откроется ей.

Ее труд — труд колхозного бухгалтера — может внести неоценимый вклад в развитие, расширение хозяйства, в увеличение его богатства. И со временем, с повышением дохода колхоза, возрастет и ее заработок, заработок бухгалтера.

Чем больше квалифицированных, вдумчивых специалистов приходит в сельское хозяйство, непосредственно в колхозы и совхозы, тем быстрее оно развивается, тем скорее наступит изобилие.

Такова одна сторона вопроса. Но есть и другая.

Когда человек берется за книги, становится настоящим специалистом, он по-новому ощущает себя в жизни, знания и разносторонние интересы укрепляют его связи с людьми, с окружающим миром. Отныне он правильной разбирается в событиях, в поступках людей и, следовательно, может влиять на них.

Такими мыслями проникнуто второе письмо. Его прислала нам Лидия Андреевна Жмурко, техник Ленинградской опытной станции садоводства. Судя по письму, Лидия Андреевна намного старше Нины С. У нее дочь девятиклассница.

В 1957 году, после 16-летнего перерыва, женщина стала ученицей 9-го класса вечерней школы.

«Первый раз, когда меня вызвали к доске, у меня кружилась голова». А в первом школьном диктанте было тринадцать ошибок. Но на помощь Лидии Андреевне пришли учителя, товарищи, и она окончила школу. Потом поступила на заочное отделение Ленинградского сельскохозяйственного института. Сейчас Лидия Андреевна — студентка 5-го курса.

За годы учебы она не сменила места работы. Вероятно, не изменился и ее оклад.

Но вот что пишет эта женщина:

«Считаю, нет ничего интереснее в жизни, как учиться и работать. За годы учебы я стала другим человеком. На свою работу и окружающий мир я смотрю совсем другими глазами».

Очень нелегко дается Лидии Андреевне образование. Заниматься приходится не только в будни, но и в воскресные дни.

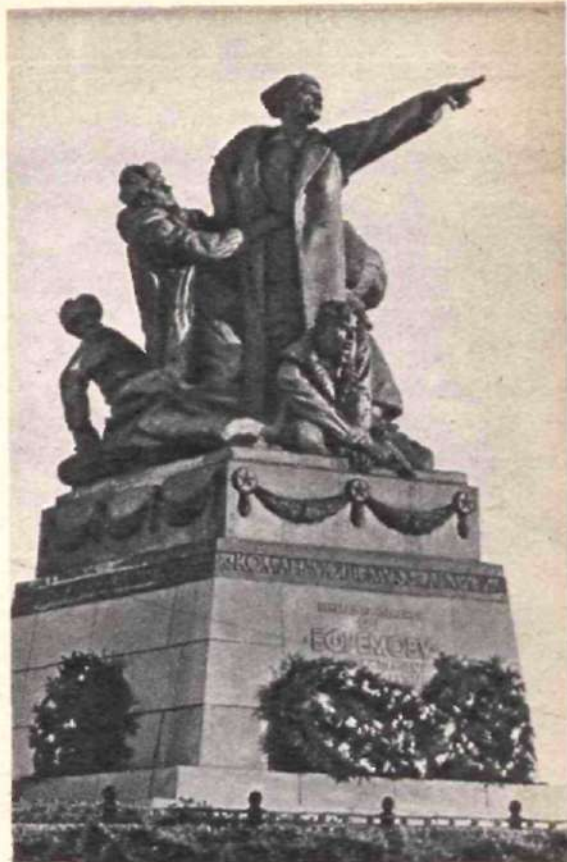
«Но уже сейчас, не окончив еще институт, я мечтаю об аспирантуре», — пишет женщина. Она хочет еще больше расширить свои знания. Она видит в этом глубокий смысл.

Больших вам успехов на дороге знаний! Вам, Лидия Андреевна, вам, студент-заочники, написавшие в редакцию, и вам, Нина С. Хочется верить, что вы будете учиться.

Как расширять, углублять свои знания, свой кругозор — об этом задумывается все больше наших читателей. Почта приносит в редакцию их письма.

Сегодня мы решили поговорить о двух из них. Письма эти очень не похожи одно на другое, хотя посвящены одному вопросу: ради чего продолжать образование, жертвовать свободным временем, отдыхом? Ведь не секрет — очень нелегко совмещать работу с учебой, а часто и с воспитанием детей, с обязанностями жены, хозяйки дома.

Так вот, ради чего идет человек на ослож-

ДЕПУТАТКА

На центральной площади старинного города Вязьмы стоит памятник. Его видно отовсюду. В центре скульптурной группы — могучая фигура генерала с вытянутой вперед властной рукой. Впереди — раненый солдат на коленях. Он ослабел, но глаза в глубоких впадинах смотрят ясно, кажется, будто они видят далеко-далеко, через много лет.

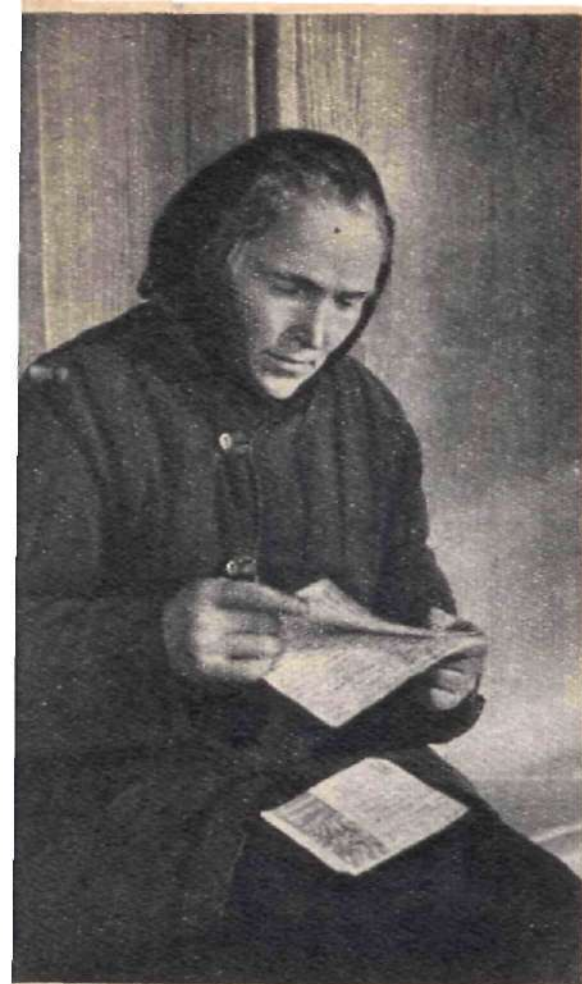
В этом памятнике генералу Ефремову, погибшему двадцать лет назад в великой битве за Отчизну, скульптору Вучетичу удалось выразить очень многое. Здесь и прошлое славной Смоленщины, все те бои и потери, через которые пришлось пройти людям к сегодняшнему дню. Здесь и порыв в будущее, последнее усилие перед последним шагом к победе.

Стоит генерал и смотрит, как идут по жизни хорошие люди, за которых он умер.

А люди идут твердо. Они пашут и строят, они растят новые поколения, они куют свои характеры и судьбы. Куют честно, на совесть.

Новый дом посреди Нового села. Он такой новый, что видны сучки в его нештукатуренных стенах, пахнущих смолой. Еще не куплена обстановка, и только большой, заваленный свежими газетами стол да сверкающий приемник на тумбочке говорят о том, что жизнь в доме уже кипит. Когда к дочери приезжают гости из области или из Москвы,

Ю. ХОРИЦКАЯ

Как только выдается свободная минута. Прасковья Михайловна берет за письма избирателей.

нуж драный тулупчик, снова и снова шел встречать шумные, нарядные поезда, которые никогда не останавливались на их разъезде. Казалось, жизнь здесь вросла в землю, ничто не сдвинет ее с места. Бегали чумазые ребятки. Надрывались на работе рано постаревшие бабы, проклинали по кабакам свое житье мужики.

И вдруг все перевернулось. Грянула революция.

— Это с Пашуткой у нас все народилось,— шутливо говорила мать, пеленая крикливую, верткую девочку. — И дети какие-то пошли особые. Глянь, до чего боевая!

Паша и впрямь росла боевой, сильной. Матери и не снилась наука. Полгода походила в школу да и отправилась пасти гусей. Образованным в семье считался отец: окончил три класса.

А Паша пошла и пошла учиться. Завелась в избе книги, газеты, чернила. Окончила семилетку и уехала на кожзавод в Вязьму. Хотелось ей тогда в город, к электричеству и тротуарам. В 41-м вышла замуж. И вся жизнь Прасковьи Михайловны сложилась бы, наверно, иначе, если бы не война.

Ушел прямо с военных сборов, не простившись с молодой женой, Пашин муж, Федор. Ушел и не вернулся.

Паша приехала из разрушенной Вязьмы к родителям. В селе хозяйничали фашисты. Отбирали скот, утоняли в Германию девушек и женщин. Каратели сожгли соседнее село Песочино. За непочтительные ответы повесили соседку Фросю Трифонову, застрелили Васю Уткина.

Потом отправили и Пашу рыть окопы. Тяжкие это были дни. Лопата не держалась в руках, молотом стучали в ухах слова немецкой команды. А наши были близко, так близко, что, когда затихала канонада, с той стороны было слышно радио. Рискнув жизнью, выскакивали тогда девчата из траншей и старались разобрать слова последних известий.

Тут-то впервые и проявился Пашин характер. Десять мужчин и женщин, самых твердых и смелых, были в ее первой «бригаде». Паша сама удивлялась, откуда у нее взялись силы, дар руководителя. Люди охотно шли за ней. И вот как-то вечером отстали они от отряда, пересидели ночь на болоте и перешли линию фронта.

А когда немцы покатались назад, к Берлину, Паша со всей страстью принялась за восстановление Вязьмы. Да тут пришлось поехать как-то домой... Поехала и осталась: слишком больно было видеть родное село опустошенным, разоренным.

Трудно сперва было. Не хватало машин, инвентаря.

Но Прасковья Михайловна всячески старалась соблюсти интересы хозяйства да и людей не обидеть. За

это и назначили ее бригадиром. Встав пораньше, она заботливо стучала в каждое в окно и напоминала:

— Сегодня вилы возьми, а то возвращаться придется.

Главная культура в тех краях — лен. Днем плохо его убирать: пересушивается он на солнце, осыпается. Досадно видеть на земле драгоценные семена. Как-то под вечер сказала Прасковья Михайловна:

— Устали вы, бабоньки. Да, женщина, конечно, не мужчина.

— Это почему же? — с обидой спросила Валя Бадрузина, самая молодая из бригады. — Работаем не хуже мужиков.

Прасковья Михайловна, пряча улыбку, покачала головой.

— Была у меня тут думка одна, да боюсь, захнычете.

Вечером, когда солнце село, во многих домах Нового села удивлялись: хозяйки, наскоро подогрели ужин и уложив спать ребятшек, уходили из дома.

— Старается Пашина бригада, — добродушно посмеивались мужья. — Лучше всех быть хотят.

— Идем гореть на работе, — откликнулись женщины.

Эта ночь была не просто ночью работы. Была она одним из тех влетов, когда труд делается наслаждением, творчеством.

А Прасковья Михайловна вроде и ни при чем. Не она запекает над темным полем веселую песню, не она хохочет до упаду над озорными шутками. Мелькают только рядом с другими ее ловкие, бесшумные руки да изредка раздаются спокойный голос:

— Ты, Катенька, вяжи-то получше. А то, глядишь, сноп-то и развалится.

Кажется, с той ночи особенно сдружилась бригада, еще больше поверила своему бригадиру.

Наградой им было замечательный урожай — 12 центнеров льносемян с гектара.

Выделили бригаду Табаловой участницей сельскохозяйственной выставки.

Гордо ходили новосельские женщины по нарядным навильонам. Знакомились с успехами сибирских, казахстанских полеводок. Радовались за себя и за своего бригадира. Домой приехали с грамотами, медалями, подарками.

Говорили:

— Это все Паша. Без нее бы нам не осилить.

На совесть работает бригада. И все знают: бригадир не обидит. Про нее говорят:

— Наша лучше умрет, а никому ни снопа, ни полснопа, ни сотки, ни полсотки не припишет.

Все делается в бригаде вовремя, добросовестно. И хоть тиха Прасковья Михайловна, каждый тракторист в районе знает: попробуй вспаши неглубоко — придется перепаживать.

Приятно работать с таким бригадиром. Приятно добиваться высоких урожаев. Приятно получать высокую оплату. Приятно смотреть на родное село, зная, что возрождение его — дело и твоих рук.

восьмидесятилетия Александра Ивановича смущенно говорит:

— Давайте-ка я вам музыку найду. Да нет, вы не знаете, он у нас последней конструкции.

И, отодвигая гостей, кладет на лакированные клавиши темные от работы, сухонькие руки.

— Ну вот, теперь послушайте, пока Паша придет.

А Паша придет не скоро. Слишком много дел у Прасковьи Михайловны Табаловой, бригадира полеводческой бригады совхоза «Новосельский», Вяземского района, Смоленской области.

Я много слышала об этой женщине. О ее высоких урожаях, работе в качестве депутата Верховного Совета РСФСР, о ее побеге из немецкого плена. И я ожидала услышать решительный голос, увидеть мужскую походку.

А Прасковья Михайловна вошла в свой новый дом тихо и сразу же хлопотала по хозяйству, мимоходом раздула старинный, украшенный медалями тульский самовар, подобрала волосы под выцветшую на солнце косынку и, улыбнувшись, сказала:

— Ну, вот и я освободилась. Чайку вам с дороги.

На ее лице не так много морщин. Но кожа в них не потемнела от солнца, и поэтому они очень видны, досадные эти морщины. И все же она кажется еще молодой, моложе своих сорока пяти лет.

Паша была пятым ребенком в семье путевого обходчика. Мать вздыхала: еще одна бабья доля, еще одна темная, беспросветная жизнь. Отец молча качал головой и, наки-

Прямо рядом с новым домом Табаловых выросло белое просторное здание школы-восьмилетки. Стоит посреди села новый клуб; через день показывают в нем кинокартины. Новые стандартные дома для рабочих, новая зерносушилка, два свинарника, коровник, ремонтные мастерские. И во всем этом есть частица труда и забот Прасковьи Михайловны.

Когда выдвинули ее кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР, она, было, заробела. Справится ли?

Но прошло совсем немного времени, и поняла Прасковья Михайловна, что и в этой работе главное — сердцем чувствовать каждую человеческую заботу, слить в одно и любовь к родному краю, тревоги о делах совхоза и большую человеческую теплоту к знакомым и незнакомым своим землякам.

Часто стучится в дверь Табаловой почтальон. Пишут ей люди со всей области. Делятся мыслями, радостью, тревогами. А чаще не пишут, а сами входят в чистую светлую комнату.

Недавно пришла из Знаменки колхозница Цыганкова. Вошла робко, неуверенно. Села на предложенный стул и минут десять молчала.

Прасковья Михайловна не торопилась, завела разговор о том, о сем. Поняла сразу: женщина пришла за помощью, а просить не всегда легко.

Потом стала расспрашивать. Узнала, что перед ней сидит вдова, что ей трудно одной воспитывать детей. А тут еще хата развалилась. Председатель же колхоза не входит в положение, не дает на ремонт лесу. И уж так получилось, что не Цыганкова просила депутата, а Прасковья Михайловна сама взялась за дело.

Стоит теперь и у Цыганковой новый дом.

Да, не думала, не гадала Прасковья Михайловна, что перед ней ляжет такая высокая дорога.

А генерал Ефремов думал. Он знал, что в боях за Родину отстаивает счастье народа, продолжает великое дело революции.

Приезжая в Вязьму, Прасковья Михайловна подолгу стоит на площади, смотрит в лица павшим героям. И ей хочется в такие минуты сказать:

— Ваша кровь пролита не даром.

Н. ГРИГОРЬЕВА

Ураган налетел неожиданно, но женщины не растерялись...

Фото С. КАРАСЕВА.

КРУТО К ВЕТРУ.

Э. КАЛЫНЬ.

А. С. Серафимович с группой писателей в гостях у фронтовиков. 1943 год.

Писатель,

КОТОРОГО ЦЕНИЛ ЛЕНИН

В мае 1920 года на фронте гражданской войны погиб сын писателя А. С. Серафимовича. Ленин узнал об этом от своей сестры Марии Ильиничны и в тот же день направил Серафимовичу письмо, в котором выразил ему сердечное соболезнование, пожелал бодрости и твердости духа. «Я крайне сожалею,— писал он,— что мне не удалось осуществить свое желание почаще видаться и поближе познакомиться с Вами. Но Ваши произведения и рассказы сестры внушили мне глубокую симпатию к Вам и мне очень хочется сказать Вам, как нужна рабочим и всем нам Ваша работа...»

Это было в ту пору, когда писатель не достиг еще вершины своего творчества, еще не создал повести «Железный поток». Владимир Ильич, как бы предвидя ее скорое рождение, дружески желал автору «перебороть» тяжелое настроение и заставить себя вернуться к работе.

Каков же жизненный путь человека, к которому питал глубокую симпатию Ленин и чье столетие со дня рождения мы сейчас отмечаем? Назову важнейшие вехи.

Александр Серафимович Серафимович (настоящая фамилия — Попов) родился 19 января 1863 года в казачьей семье, в станице Нижне-Курмоярской, бывшей области Войска Донского. Детство его прошло в обстановке «незамирающей бедности». В гимназии он жадно читает Добролюбова, Чернышевского, Писарева... Увлекается произведениями Толстого, Тургенева, Помяловского... В 1883 году поступает в Петербургский университет, где знакомится со старшим братом Лениным, Александром Ильичем Ульяновым, и в студенческих кружках изучает Маркса. В 1887 году, в связи с неудавшимся покушением на царя, он пишет революционную прокламацию и попадает в тюрьму, а потом в ссылку.

В ссылке на севере будущий писатель сближается с организатором знаменитой Морозовской стачки — ткачом Петром Анисимовичем Моисеенко. И здесь начинается его творческая биография: он пишет свой первый рассказ, «На льдине», из жизни крестьян-поморов, который увидел свет в 1889 году.

Через три года Серафимовичу разрешают возвратиться на Дон. Оттуда он перебирается в Москву. За это время появляются его новые рассказы о жизни шахтеров, заводских рабочих, печатников, рыбаков... Позже — рассказы, посвященные революции 1905 года. Наконец, роман «Город в степи», в котором показана звериная сущность капитализма, раздираемого непримиримой борьбой классов.

Серафимович становится известным пролетарским писателем. Он в лагере А. М. Горького, в лагере революции.

«Как ни калечит, как ни убивает, как ни терзает нас русская страшная действительность, как ни мучаются искалеченные,— а есть жизнь, бьются сердца, и кто знает, как потрясающе будет нарушено тягостное молчание, с каким страшным грохотом рухнет строй» — этими словами заканчивается его пред-революционный рассказ «Встреча».

В мае 1918 года Серафимович вступает в ряды коммунистов. Он работает корреспондентом «Правды» на фронтах гражданской войны.

По свежему следу создает писатель героическую эпопею «Железный поток» — о походе Таманской армии. Он так объяснил свой замысел:

«Я взял анархическую, неподчинявшуюся, каждую минуту готовую посадить на штыки своего собственного вождя массу. И через страдания, через муки провел их до конца, до тех пор, пока они не почувствовали себя организованной силой».

В основе этой повести — достоверные исторические события и люди. Художник воссоздал правду такой, какой она была: суровой и поэтичной. Пестрый, шумный, «дикий поток» люд-

ской массы, оборванной, голодной, превращается в конце концов в грозный для врага «железный поток». Выразителем образ отважного командира таманцев — большевика Кожуха. Да только ли он!.. «Железный поток» — классическое произведение советской литературы.

Повесть, ставшая вершиной творчества Серафимовича, была закончена еще при жизни Владимира Ильича. С тех пор началось ее триумфальное шествие по стране и по миру. Ее автору перевалило тогда уже за шестьдесят.

Писатель не утратил ни бодрости, ни твердости духа. Он продолжал активно работать: писать, редактировать, выступать.

Здесь я позволю себе поделиться скромными воспоминаниями.

В 1943 году, после того как наши войска освободили Орел, в одной из действующих армий, где я служил и которая участвовала в боях за город, возникла идея выпустить книгу, посвященную этой битве. Решили это сделать не только своими армейскими силами. Меня командировали в Москву за братьями-писателями. К нам поехали тогда Константин Федин, Всеволод Иванов, Борис Пастернак, Павел Антокольский, Константин Симонов, Раиса Азарх и, что вызвало, не скрою, удивление и восторг, восьмидесятилетний Александр Серафимович Серафимович.

Добирались мы до Орла на «додже» по изрядно разбитой шоссейной дороге, а оттуда в армию — по грунтовой проселочной. Трясло здорово. Да и грязь, пыль. Больше всего мы беспокоились за Александра Серафимовича. Он же шутил, улыбался и был счастлив тем, что едет в действующую армию.

На месте «полевой союз писателей» обмундировали и разместили в палатках. Утром отправились по частям.

Серафимович потом писал:

«Я приехал в армию гвардии генерал-лейтенанта А. В. Горбатова. Из-за леса глухо и редко били орудия. А в лесу спокойно и мирно потрескивали костры с навешанными котелками. У костров грелись бойцы. Я подсаживался к ним и беседовал. Артиллеристы — да ведь это же математика! А когда я толковал с танкистами, то не встречал среди них людей по образованию своему ниже 8, 9, 10 классов средней школы. А летчики? Профессора!»

Всюду, где появлялся этот не по возрасту стройный, подтянутый человек с энергичным лицом, на котором выделялись большие пронизательные глаза, аккуратно подстриженные седые усы, и в нем узнавали автора «Железного потока», возникало радостное возбуждение. Танкисты, например, тут же постановили назвать одну из своих боевых машин «Серафимович». Имя нанесли на броню белой краской. Растроганный до слез, Александр Серафимович принял рапорт, сказал бойцам отцовское напутственное слово, жал им руки, слезил в танк и даже упрямил, чтобы его прокатили.

Он поистине воодушевлял людей. Удивительно молодым был этот старик!

Именно таким сохранится он в памяти всех, кто знал его лично, и в сознании миллионов читателей его книг.

Александр Серафимович Серафимович с гордостью называл себя «солдатом литературы» и «рабочим литературы», имея в виду, что их руками, в конечном счете добывается победа, строится жизнь.

Он умер в 1949 году, но живо его правдивое и яркое слово, сказанное о прошлом во имя будущего, слово воина и строителя, слово писателя, которого ценил Ленин.

С. ТРЕГУБ

Недавно одному из крупнейших американских писателей нашего века, Джону Стейнбеку, была присуждена международная Нобелевская премия.

Ни одна из многочисленных книг Стейнбека не похожа на другую, каждая из них самобытна, но все они отмечены искренностью и человечностью, и в каждой из них — частица его огромного жизненного опыта, ответ его нелегкой трудовой молодости, Недаром почти все герои книг Стейнбека — люди труда.

Чуть ли не полжизни писатель провел в тяжелой борьбе за существование. Биолог по образованию, Стейнбек на первых порах, пытаясь попробовать свои силы в литературе, устраивается репортером в одну из нью-йоркских газет. Но у молодого, начинающего журналиста сразу же проявляются черты вдумчивого, серьезного литератора. Он не гонится за сенсациями, а пытается объяснить, осмыслить те случаи, о которых ему приходится писать. Именно за это его вскоре увольняют из редакции: «Слишком мало фактов и много рассуждений».

Оказавшись без работы, Стейнбек колесит по Америке, перебиваясь случайными заработками. Он то бродячий художник, то землемер, то простой чернорабочий. Однажды ему удалось даже некоторое время поработать «по специальности» — биологом в одной из лабораторий. Однако вскоре он уже снова бредет по бесконечным дорогам Америки вместе с толпами таких же, как он, безработных и рад, если удастся устроиться сборщиком фруктов.

В эти годы выходят первые книги Джона Стейнбека. Все они остаются незамеченными и не приносят автору ни славы, ни денег.

В 1935 году выходит четвертая книга Стейнбека — «Тортилла флат». Ее главные герои — люди, выброшенные за борт жизни, опустившиеся, но не утратившие человеческого достоинства и человеческих чувств. Место действия книги — Тортилла флат, мексиканская окраина небольшого портового города Монтерей, квартал, где живет такая беднота, что владелица сломанного пылесоса считается здесь самой богатой женщиной. Стейнбек с искренним сочувствием пишет об убогой жизни обитателей квартала, и в то же время книга эта остроумна и интересна, пронизана оптимизмом и верой в человека.

«Тортилла флат» принесла Стейнбеку давно заслуженный им успех и обеспеченность. Теперь писатель получает возможность все свои силы отдавать творческому труду. Его последующие книги встречаются читателем с огромным интересом и переводятся на многие языки.

В 1939 году выходит в свет его знаменитый роман «Гроздь гнева». Это роман о кочующих сельскохозяйственных рабочих, разорившихся фермерах, которых нужда согнала с насиженных мест. Они кочуют в фургонах с женами, детьми, стариками, останавливаются там, где нужны сезонные рабочие, а кончив работу, снова отправляются в путь, не имея ни своего угла, ни уверенности в завтрашнем дне. Все дороги забиты ими, их фургоны образуют целые лагеря. Жизнь этих людей хорошо известна писателю: он сам когда-то был одним из них.

Успех романа среди читателей был огромен. В реакционных кругах он вызвал смутнение и ярость: Стейнбека назвали коммунистом, хотя он не принадлежал ни к какой партии. Роман был запрещен, и все же книгу читали все. Как писал один из американских критиков того времени, «ее сжигали и проклинали, одаживали и протаскивали контрбандой, но больше всего ее покупали».

В годы второй мировой войны Стейнбек работает военным корреспондентом в Африке и Европе, ездит из одной действующей армии в другую и очень много пишет. Именно в это время он создает книгу о летчиках «Бомбы вниз», повесть о борьбе против фашизма «Луна зашла» и огромное количество военных очерков, составивших впоследствии целый том, — «Когда-то была война».

Вскоре после войны выходит известная нашему читателю по русскому переводу и одноименному кинофильму повесть «Жемчужина», книга печальная и умная, грустная рассказ о бедном рыбаке Кино. Однажды ему в руки попадает драгоценная жемчужина, маленькая, отливающая перламутром горошинка, на которую бедняга возлагает большие надежды. Но жемчужина не приносит Кино ничего, кроме горя, и он находит в себе силы бросить ее в море. Для читателя этот жест отчаявшегося человека глубоко символический, так как знаменует победу Человека над властью денег.

В 1947 году Стейнбек вместе с фотокорреспондентом Кэйпа совершил путешествие по Советскому Союзу. Плодом этого путешествия явился «Дневник», где писатель честно и правдиво (не в пример некоторым заокеанским туристам) рассказал обо всем, что увидел в первой стране социализма. Главное в этой книге — чувство искренней симпатии и уважения к советскому народу.

Говоря о творчестве Стейнбека, невозможно не упомянуть о его последнем, недавно опубликованном в Советском Союзе романе — «Зима тревоги нашей». За короткий срок этот роман завоевал большую любовь читателей. И это объясняется не только тем, что книга действительно великолепно и увлекательно написана. «Зима тревоги нашей» — это роман о наших днях, раздумья мудрого и доброго человека о будущем сегодняшнего мира. Это роман о трагедии миллионов по-настоящему хороших, честных людей, живущих в обществе, в котором можно преуспевать, только топя ближнего своего, только совершая подлости.

Чтобы полностью оценить мужество и честность Стейнбека, писателя и человека, достаточно вспомнить, в какое время и в какой стране он живет и работает, достаточно вспомнить об антидемократических законах, о зверствах расистов, о растлевающем влиянии пресловутой «культуры» «свободного мира», калечащей молодые души, о звериных законах «холодной войны», обо всем том, против чего открыто и смело выступает Стейнбек — писатель и публицист. Перегнав шестое десятилетие своей жизни, Джон Стейнбек, как и в молодые годы, идет трудной дорогой борьбы за правду, неся в сердце суровую любовь к своему герою — обездоленному человеку Америки.

Ниже мы публикуем отрывок из раннего произведения Стейнбека «Тортилла флат».

Джон Стейнбек

Бомбы

Рисунки Н. ПОЛИВАНОВА.

Сеньора Терезина Кортез, ее восемь детей и престарелая мать жили в небольшом домике у края глубокого ущелья, что служило границей слободки. Терезина в свои тридцать лет являла собой отличный образец женщины в полном расцвете сил. Ее мать, дряхлая, высохшая, беззубая — словно живые мощи, — приближалась к пятидесяти. Те времена, когда кто-нибудь еще мог припомнить, что ее зовут Анжелика, давно миновали.

Всю неделю у бабки было непроизвольное дрожание, так как ей приходилось кормить, наказывать, утешать, одевать и укладывать в постель семерых ребятишек, в то время как Терезина занималась восьмым и готовилась к появлению девятого.

Но по воскресеньям бабка облачалась в черный атлас, казавшийся еще более древним, чем она сама, надевала на голову некое выдавшееся злое сооружение из черной соломы, на котором болтались две эмалевые вишенки, точь-в-точь как настоящие, и, бросив свои обязанности на произвол судьбы, твердыми шагами направлялась в церковь, где сидела столь же неподвижно, как святые в нишах. Раз в месяц, днем, она ходила к исповеди. Любопытно было бы узнать, в каких грехах она каялась и где находила время, чтобы совершать их, ибо население дома Терезины, все дни напролет ползающее, ковыляющее, визжащее, падающее с деревьев, требовало неусыпного надзора. К тому же мы не ошибемся, если скажем, что каждые два часа вся орава просто помирала с голоду.

Стоит ли удивляться, что у старухи была неотзывчивая душа и стальные нервы? Всякая иная душа и иные нервы не выдержали бы.

Но вот бабкиным заботам был зверен еще один подопечный. Старший из ребят, Альфредо, начал ходить в третий класс начальной школы, Эрчи — во второй, а Панчино отправился в школу впервые.

Примерно в это время в Калифорнии у школьных медсестер вошло в моду ходить по классам и выпытывать у детей всякие подробности их домашней жизни. Однажды Альфредо, которого сочли худым, вызвали в кабинет директора.

— Досыта ли ты кушаешь, Фредди? — ласково спросила его медсестра, гордившаяся своим умением найти подход к каждому ребенку.

— Конечно, — сказал Альфредо.

— Так, так. Ну, а скажи мне, что ты ешь на завтрак?

— Лепешки и бобы, — ответил Альфредо.

Сестра со скорбным видом кивнула директору головой.

— А что тебе дают, когда ты приходишь домой обедать?

— Я не хожу обедать.

— Значит, в полдень ты ничего не ешь?

— Как же, ем. Я беру с собой бобы и лепешку.

В глазах сестры мелькнул неподдельный испуг, но она взяла себя в руки.

— Что ты ешь по вечерам? — отрывисто спросила она.

— Лепешки и бобы.

Тут сестра забыла о всяком подходе.

— Что ты плетешь? Уж не хочешь ли ты меня уверить, будто питаешься только лепешками и бобами?

Альфредо удивился.

— Господи, — сказал он. — Что же вам еще нужно?

Потрясенная сестра рассказала обо всем школьному доктору, и в один прекрасный день он подъехал к домику Терезины, чтобы лично разобраться в этом деле. На всем пути от калитки до двери его сопровождали вопли ползающих, лазающих и ковыляющих, слившиеся в какую-то дикую симфонию. Доктор остановился у открытой кухонной двери. Он воочию увидел, как старуха подошла к плите, зачерпнула из кипящего котелка полный половник вареных бобов и высыпала их прямо на пол. Шум тут же утих. Ползающие, лазающие и ковыляющие с молчаливым усердием принялись за работу. Они перебирались от одного боба к другому, останавливаясь только для того, чтобы отправить в рот очередную порцию. Бабка вернулась к своему креслу передохнуть минутку. Доктор, в котором заговорил ученый, пробыл у них два часа и ушел, покачивая головой.

Он продолжал недоуменно покачивать головой и тогда, когда делал свой отчет.

— Я проверил у них все, что только мог, — сказал он. — Зубы, кожу, скелет, глаза, координацию движений. Джентльмены, они живут, питаются лишь одними бобами с самого дня своего рождения.

Но я уверяю вас, джентльмены, что никогда в жизни я не видел таких здоровых детей.

И не в силах больше сдерживать себя, он воскликнул: — Никогда в жизни не видел подобных зубов. Ни разу в жизни!

Вам, конечно, интересно узнать, каким образом Терезина добывала пропитание для своего семейства. Понаблюдайте за комбайнами, убирающими бобы, и вы увидите, что в тех местах, где они останавливаются, на земле остаются большие груды кожуры и стеблей. Если разложить на земле одеяло и в ветренный день подбрасывать над ним эту кожуру, то окажется, что и комбайны небезупречны.

За день работы можно набрать фунтов двадцать, а то и больше хороших бобов.

Осенью бабка и те из ребят, которые уже умели ходить, отправлялись в поле и отвеивали кожуру. Землевладельцы не запрещали им этого: вреда они не приносили. Худым был тот год, когда старуха не собирала триста — четыреста фунтов.

А когда в доме есть четыреста фунтов бобов, можно уже не бояться голодной смерти. Временами благодаря чудесному вмешательству святой девы, порой благодаря вашему собственному усердию и смекалке у вас могут появляться и лакомства вроде сахара, помидоров, перца, кофе, рыбы или мяса. Однако вы можете чувствовать себя спокойными только тогда, когда в доме есть бобы. Бобы для вашего желудка — то же, что крыша над головой бездомного. Бобы — теплый плащ, который защищает вас от стужи нищеты.

И лишь одно могло поставить под угрозу жизнь и благоденствие семейства сеньоры Терезины Кортез — неурожай бобов.

Когда бобы поспевают, их выдергивают из земли и складывают в кучки, чтобы как следует просушить перед тем, как они попадут в комбайн. Сохрани боже, если в это время вдруг нагрянет дождь. Пока на темных полях желтеют ряды сложенных маленькими кучками растений, фермеры то и дело поглядывают на небо и мрачнеют от страха при виде каждого облачка; ведь после дождя придется заново ворошить все кучки и снова сушить их. И если до того, как они высохнут, пройдет еще один дождь, их придется ворошить еще раз. А после третьего дождя на бобах появляется плесень, они гниют, и урожай погиб. Поэтому в то время, когда сушились бобы, бабка всегда ставила свечку святой деве.

В тот год, о котором я рассказываю, бобы были уже сложены в кучки, свеча поставлена; в доме Терезины лежали наготове рогожные мешки, комбайны смазаны и готовы к работе. Но вдруг пронесся ливень.

Наняли поденщиков, они поспешно устремились на поля и разворошили насквозь промокшие холмики.

Бабка поставила еще одну свечу.

Снова дождь.

Бабка купила две свечи на монетку, хранившуюся у нее с незапамятных времен. Поденщики снова перевернули к солнышку промокшие стручки; но тут с неба низвергнулся настоящий потоп. Во всем монтерейском округе не сохранилось ни одного стручка.

Мокрые, слипшиеся комья растений пустили под плуг.

Вот когда в дом сеньоры Терезины Кортез пришла беда. Сломалась опора, рухнула убогая крыша, исчезла незыблемая основа жизни — бобы. По ночам дети плакали от страха перед надвигающимся голодом. Им никто ничего не говорил, но они догадывались. Старуха, как обычно, сидела в церкви, но теперь, когда она смотрела на мадонну, губы ее растягивались в презрительную усмешку. «Заграбастала мои свечи, — думала она. — Еще бы, до свечей ты охоча! Эх ты, безголовая!»

И она в сердцах сменяла подданство и рассказала о своих обидах святой Кларе.

Перевела с английского
Е. КОРОТКОВА.

Великий Мастер

Дату 17 января 1963 года торжественно отмечают во всем мире—всюду, где есть театры и зрители. В этот день исполняется сто лет со дня рождения Константина Сергеевича Станиславского.

В старых сказках часто повторяется поэтический мотив: добрые волшебницы, слетевшиеся к новорожденному, складывают в его колыбель свои дары. Одна — богатство, вторая — красоту, остальные — ум, счастье, удачливость. Ребенок вырастает и совершает удивительные подвиги: побеждает зло и коварство, поражает грозных великанов и чудовищ.

Если представить себе в такой сказочной обстановке колыбель К. С. Станиславского, то вокруг нее, конечно, теснилась целая толпа волшебниц, они завали-

лили новорожденного своими подношениями. Тут были и дары из старых сказок: красота, вечная молодость, богатство, — но были и такие, о которых не знали старые сказки: разнообразные таланты, неповторимое обаяние, железная воля, несгибаемая сила души, подчиняющая себе окружающих.

Этими бесценными благами был от рождения щедро наделен Константин Сергеевич. Но он еще и приумножил их, не зная усталости, работая над собой, никогда не успокаиваясь на достигнутом. В этом труде всей его жизни помогли ему три особых, не часто встречающихся качества: необыкновенная скромность и трезвость самооценки, высокая требовательность к себе и умение не обижаться на критику, слушать ее голос и извлекать уроки для дальнейшей работы.

Так получилось то редкостное сочетание великолепных человеческих и творческих данных, какое являл собою К. С. Станиславский. Он был — одновременно! — гениальным режиссером и актером, писателем, создавшим ряд блестящих книг, оставившим восемь томов сочинений, тончайшим художником и глубоким мыслителем.

Человек с такими качествами не может в искусстве повторять чужие слова и общепринятые прописи. Он непременно становится в искусстве революционером, борется за новую правду и сокрушает старую ложь. Так, естественно и закономерно, Станиславский стал преобразователем театра, он создал величайший театр своего времени и стал учителем многих поколений артистической молодежи.

Станиславский пришел в театр в тяжчайшее для театра время — в последние годы прошлого века. Надвигалась революция 1905 года, уже ощущались подземные толчки, возмещающие близкое землетрясение. В стране выросла новая грозная сила — революционный пролетариат, появились новые люди, борцы за новые, революционные идеи. Их уже показывала литература, и зритель жаждал увидеть их на театре. Но большинство театров беспомощно топталось на месте, продолжая жевать старую жвачку «сапунных комедий» с неизменным «треугольником» — жена, муж и любовник или любовница. Театр переставал расти, он начинал загнивать, как стоячая вода. Его бессилие выражалось не только в том, что он не отражал новое. Даже в показе великолепной драматургии русской и мировой классики был все тот же «бег на месте», равнение на образцы, когда-то великолепные, но к этому моменту уже обветшавшие.

Был случай: петербургская «Александринка», один из старейших и славных театров России, показала своему зрителю новую пьесу Чехова «Чайка». Вот тут и обнаружился с устрашающей ясностью тот тупик, в котором оказался тогда императорский театр. В спектакле были заняты прославленные актеры, а героиню, Чайку, играла удивительная актриса В. Ф. Комиссаржевская, и играла проникновенно. Но все остальные двигались и говорили на сцене в привычном для них стиле: каждый свое, все вразброд, не понимая прелести чеховской пьесы. Зрители, обычная публика премьер, раскормленные бюрократы, финансовые тузы, гостинодворские купцы и приказчики с Апраксина рынка, громко хохота-

ли в тех местах, где надо было тихо плакать, сжимая в отчаянии руки. Этот тупой гогот прозвучал, как погребальный звон над тогдашним театром.

Но... произошло чудо его возрождения! Летом 1898 года сошлись в дружеской беседе двое — К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко, драматург, критик и театральный педагог. Беседа их была необычна: она длилась подряд восемнадцать часов! Речь шла о том, какой театр хотят создать эти два единомышленника, что должно быть и непременно будет в их новом театре и чего ни в коем случае не будет.

Станиславский и Немирович-Данченко осуществили свое намерение: они создали Московский Художественный театр. 14 октября 1898 года театр этот открылся спектаклем «Царь Федор Иоаннович». Раздвинулся занавес, со сцены прозвучали первые слова пьесы:

Да, да, отцы! На это дело крепко надеюсь я...

Это были вещие слова: в них были не только чаяния всего новорожденного коллектива, но и надежды многих зрителей.

Будущее показало: Московский Художественный театр оправдал — с лихвой, с избытком! — все возлагавшиеся на него надежды.

Чего больше всего хотели в своем театре Станиславский и Немирович-Данченко? Правды! Жизненной, художественной, социально-исторической — всякой. Уже в первом спектакле «Царь Федор» это выразилось во внешнем оформлении спектакля и в массовых сценах. Декорации, костюмы, все вещи на сцене были выдержаны не в принятом тогда безвкусном, мнимо-русском стиле, — нет, все это было исторически правдиво, основано на тщательнейшем изучении эпохи. В массовых сценах зритель был поражен: он привык видеть кучку статистов с равнодушными лицами, бесстрастно выкрикивающих каждый свой домашний адрес (считалось, что «грозный гул толпы» вполне достигается, когда десяток людей, бестолково махая руками, разногласно орет: «Петровка, 5, квартира 28!»; «Троицкая, 7, квартира 2!» и т. д.). В массовых сценах Художественного театра толпа жила, каждый «толповик» имел в спектакле свое назначение, свою психологию, чувства и желания.

Однако это была еще только внешняя правда. Если в спектакле есть только она, — в нем еще только полправды. Ведь оттого, что телефонная книжка точно указывает фамилии абонентов, их адреса и номера телефонов, она еще не становится произведением искусства! Настоящая правда театра — глубокая, глубинная правда чувств и мыслей. Она есть только там, где актеры не играют любовь, дружбу, печаль или счастье, не притворяются любящими, опечаленными или счастливыми, а подлинно испытывают эти чувства. В правдивом спектакле актеры играют не только в те минуты, когда по пьесе им даны слова и поступки, нет, они живут и тогда, когда говорят, действуют и другие персонажи. Поэтому в таких спектаклях нет «проходных» сцен, как нет и «проходных» ролей. Все участники его, независимо от того, играют они большие или маленькие роли,

переживают все происходящее в пьесе, раскрывая замысел автора и постановщика.

Уже в следующем спектакле Художественный театр показал эту глубокую правду мыслей и чувств. Это была чеховская «Чайка», та самая «Чайка», которая так несчастливо для себя за два года до этого залетела в петербургскую «Александринку». Тогда под тупой гогот «премьерного» зрителя Чехов убежал из театра, больной, без шапки, в сырую и холодную петербургскую ночь. Теперь, через два года, в Московском Художественном театре великая правда Чехова, раскрытая Станиславским—постановщиком и актером (сам Станиславский играл в пьесе Тригорина), потрясла зрителей и полюбились им надолго. Навсегда утвердилось на занавесе Художественного театра изображение чайки, как символа грозного предвещания, героического дерзания, смелого вызова.

За «Чайкой» пришли другие чеховские пьесы: «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад». Все они несли осуждение тому миру, где страдают лучшие люди и торжествует эгоизм, месть и пошлость. В пьесах этих явно прорисовывалось предчувствие и радостное ожидание революции, как благодетельной «здоровой бури». А в на-

чале века, перед самой революцией 1905 года, Художественный театр впервые вывел на сцену революционера, горьковского рабочего Нила, и бросил в зрительный зал глубоко революционные тирады Сатина в горьковской же пьесе «На дне».

Таков был созданный Станиславским и Немировичем-Данченко Московский Художественный театр—в советское время МХАТ имени М. Горького. Многие десятки лет он был театром-вышкой, по которому равнялись лучшие театры во всем мире.

В репертуаре этого театра было много пьес, поставленных Станиславским, как было и великое множество созданных им актерских образов. Разнообразие этих образов поразительно. Тут был и борец за идею норвежский врач Штокман, и трагический талант, спивающийся в земском захолустье, русский врач Астров, прекрасный мечтатель полковник Вершинин, старый русский барин Фамусов и безмогильный генерал Крутицкий, нежный любовник Ракин, влюбленный в клизмы французский «мнимый больной» Арган... И каждый из этих сценических образов был жемчужиной, совершенством гениального актерского таланта и мастерства!

Миновали годы. К Станиславскому при-

шла жизненная и творческая зрелость. Время накопило в нем много наблюдений, впечатлений, опыта, знаний. Так пчела летит тяжело и трудно под бременем своей сладкой ноши. Но пчела несет мед в свой улей, а великая душа Станиславского жадно и страстно искала, с кем бы ей поделиться своей вдохновенной мудростью. Вокруг него и Художественного театра стали возникать молодежные актерские студии, и каждая из них со временем вырастала в самостоятельный театр. Один из любимых учеников Станиславского, Евгений Вахангов, гордость Первой студии МХАТа, создал свою студию, которая позднее превратилась в существующий и поныне блистательный Театр имени Вахангова. Точно так возник и живет поныне оперный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко и многие другие наследники его бессмертного гения.

Нам было дано великое счастье быть современниками Константина Сергеевича. Нам дано видеть посевы, всходящие на его полях. Нам дано сегодня, в сосредоточенной и торжественной тишине, вспомнить великого мастера, ушедшего, но вечно живого.

Александра БРУШТЕЙН

Отчим? Нет, отец!

Он лежит на кровати и сладко спит. Темное, загорелое лицо, густые брови и черные, как смоль, волосы. И впрямь похож на цыгана! «Цыган» была его воровская кличка.

Нина гонит прочь эту мысль: ей совсем не хочется вспоминать о прошлом Виктора. Сколько бессонных ночей провела она, сколько передумала, пока решилась на этот шаг! Но теперь она счастлива, а дети нашли в Викторе добро, заботливого отца.

Вот и сейчас Виктор спит, крепко прижав к себе Генку. Лыняные волосы сына разметались по подушке, на озорном лице улыбка. Шалуни, он и во сне чему-то радуется!

Перед сном Виктор долго возился с Генкой, подбрасывал его к потолку, отправляя в «космический рейс». Генка радостно визжал, раскидывая руки, точно находился в состоянии невесомости.

Рядом кровать дочери. Пятилетняя Надюша немного помнит родного отца, а Гена родился уже после его неожиданной смерти. Попел утром Николай Голубев на работу, а в полдень сердечный приступ оборвал его жизнь.

Дети искренне привязались к ласковому и доброму Виктору Саблину. Но как сделать, чтобы эту детскую привязанность не омрачила тень прошлого?

Вчера прибежала Надюша с улицы и, плача, рассказала, что кто-то из ребят назвал ее папу мазуриком.

— Что это значит? — допытывалась девочка.

Виктор говорит, что лучше всего уехать из Жиздры. Но легко сказать — уехать! Разве просто покинуть родные места, дом, работу, друзей?

Да и кажется Нине, что самое трудное они уже пережили. В маленьком городке, где о любом событии узнают все и сразу, о замужестве ее судачили не один день.

«Семью опозорила, вора в дом пустила!» — шептали ей вслед женщины. Многие даже перестали здороваться. Не хотела слышать об этом браке и мать Нины, Зинаида Карповна.

— Опомнись, одумайся! — твердила она.

Но Нина не отступила. И если бы у нее спросили сейчас, жалеет ли она о совершенном, она ответила бы: «Нет!»

Нина открывает окно, и в комнату льется запах ночной фиалки, табака. Цветы посадил Виктор. Нина стоит, глядя в темноту, снова думает о Викторе.

...Десятилетний мальчик бред, спотыкаясь, не разбирая

дороги. Только бы укрыться где-нибудь от тяжелой отцовской руки и упреков мачехи! Переночевал мальчик на речном причале, а утром забрался на большой пароход, просто из любопытства, и не заметил, как сняли трап и судно отчалило от берега.

На третий день матросы нашли его в нижнем трюме. Мальчика отогрели, накормили. А в день, когда пароход пришвартовался к пристани далекого северного порта Салехард, его отвели в детский дом. Но отец разыскал Виктора и вернул домой. Там все началось сначала: упреки, оскорбления, побои. Может быть, о нелегком детстве мужа она и не узнала, если бы...

Однажды Нина поздно вернулась с работы. Накормив Генку и Надюшу, отравила их гулять. Не прошло и минуты, Генка идет, ноет:

— Мам, возьми на ручки...

— Замолчи! — крикнула Нина и замахнулась на сынишку.

— Не смей! — остановил ее Виктор. Таким гневным он еще никогда не был. Успокоившись, муж решительно сказал:

— Давай растить детей без упреков и побоев. Так будет лучше!

Страшный след может оставить в душе поруганное детство, одиночество. Виктор узнал это рано: в доме, где росли двое детей отца и мачехи, он был лишним. Улица приютила бездомного парня, познакомила с шайкой грабителей. Под кличкой «Цыган» он ездил на «гастроли» в Ростов, Одессу, Ташкент. Порой Виктор презирал себя, в нем просыпалось желание жить честно, трудом. Как не хватало ему тогда хорошего, сердечного друга, который помог бы стать порядочным человеком!

Отбыв наказание, Виктор дал себе зарок: все, он больше не станет рисковать жизнью, прятаться и воровать. Он постарается быть полезным обществу человеком.

В Жиздре новичка заметили сразу. Заметили и настоярожились. Но нашлись люди, принявшие доброе участие в его судьбе.

Коммунист Иван Федорович Автоманенков, работник Жиздринского колхозно-совхозного территориального управления, друг Нинино отца, помог Виктору устроиться на работу, приобрести нужные вещи, снять комнату. Но главное, он заставил парня поверить в свои силы.

К нему же пришел Виктор за советом, надумав жениться. Пришел и честно рассказал о своих чувствах к Нине, о тревоге за ее судьбу.

— Смогу ли я стать для детей не отчимом, а отцом? Простят ли они мне прошлое, не замараю ли я их имени?

— Все зависит от тебя самого. И не о прошлом нужно тревожиться, а о будущем семьи! — подбодрил его Автоманенков.

Нина хорошо запомнила эти слова, переданные ей Виктором. Но разве от одного Виктора зависит их семейное счастье? Как стать выше тех грязных слухов, которые распускали за ее спиной?

Однажды она очутилась в больнице, а по городу поплзала сплетня, что Виктор избил Нину.

Было же все совсем иначе! Сын метался в тяжелом бреде. Нина с нетерпением ждала утра, чтобы вызвать врача. А Виктор решил:

— Немедленно в больницу, я сам отнесу его!

Снег слепил глаза, ветер, точно назло, старался преградить им путь. У Виктора онемели руки под тяжестью ноши.

Врач, осмотрев Генку, сказал, что они пришли вовремя: у ребенка крупозное воспаление легких. Нина осталась с сыном, а Виктор каждый день навещал их. Он приносил Генке манную кашу и уверял Нину, что в больнице такую никто не сварит!

Но однажды Виктор запоздал. А когда пришел, Нина почувствовала недоброе.

— Пил?

— Пил! — угрюмо сознался Виктор.

И Нина поняла: она должна быть с ним рядом, с ней он мужественнее, увереннее. В тот же день Нина вернулась домой, тем более что Генка пошел на поправку.

...Нина подсаживается к столу и принимается за питье. Мысли ее вновь возвращаются к Виктору. Хороший он, добрый, заботливый, и для ребят лучшего отца не найти. Даже на службе замечают:

— Что это все Виктор Генку в ясли относит? А ты что за барыня?

Барыня не барыня, но с Виктором жить ей стало действительно легче: в четыре руки любое дело спорится. Вот собралась однажды на речку бельё полоскать.

— Давай помогу! — вызвался Виктор.

Нина отказалась: мол, не принято мужчине женским делом заниматься.

— Эти ваши законы при царе Горохе писаны! — ответил Виктор и подхватил газ с бельем.

С тех пор они ходят на речку вместе. Женщины посудачили, посудачили да и махнули рукой. Привыкли!

Но больше всего ценит Нина отношение Виктора к ее детям. Поначалу опасалась: наскучат они ему, станут раздражать, как ни говори, чужие. Но со временем убедилась, что беспокоилась зря.

Принес как-то Виктор Надюше красивые, теплые ботиночки.

— Носи на здоровье, дочка! — довольно улыбаясь, сказал он.

Позже Нина узнала историю этой обновки. Как-то после работы Виктор разгружал на станции с товарищами вагоны и заработал немного денег. Решили приятели поужинать и выпить по кружке пива. Но по дороге Виктор на минуту отлучился в магазин. Вышел из магазина и объявил ждавшим его товарищам:

— Идите, братцы, без меня: я уже свой заработок пристроил! — В руках он держал обновку для дочери.

...Кружатся стрелки на старом будильнике, совершая свой привычный маршрут. Поздно уже. Нина откусывает нитку и бережно расправляет новую рубашку для Виктора. Сейчас она повесит ее на спинку стула, а завтра Виктор пойдет в ней на стройку. Он работает в строительной бригаде разнорабочим. Пока нет специальности, но есть желание ею овладеть—после работы Виктор учится вести кладку. Бригадир говорит, что каменщик из него выйдет отличный. А каменщики нужны повсюду! Даже в маленькой Жиздре строят много. Подрастут дети, и она с гордостью поведет их по городу и покажет:

— Вот эти дома строил ваш отец!

Нет, напрасно Виктор беспокоится, им не надо уезжать из Жиздры.

Нина подходит к кровати мужа. Он по-прежнему сладко спит, крепко прижав к себе Генку. И Нина знает, первым словом, какое скажет ее сын утром, будет «напа».

Утром они все вместе выйдут из дому. Впереди, как всегда, будет шагать Виктор с Генкой на руках. А ей с Надюшей придется поторапливаться, чтобы не отстать от мужчин.

Нина гасит свет. И никто не видит, как в темноте по ее лицу бродит счастливая улыбка.

Р. РОЗОВА

г. Жиздра,
Калужская область.

Фото А. ШАПРО.

БУДУЩЕМУ ПЕРВОКЛАССНИКУ

Немало времени прошло с того торжественного дня, когда тысячи мальчиков и девочек впервые сели за парты. Уже на первых уроках было видно, как по-разному подготовлены дети к школе. Одни умели читать по слогам и считать до двадцати, другие знали весь алфавит, но читать не умели, а иные не могли отличить одну букву от другой.

Некоторые родители ошибочно полагают: нечего ребенку до школы забивать голову наукой, придет время, обо всем узнает за партой, на то есть учителя.

Неподготовленного ученика с первых дней ждет много огорчений. Одна из моих первоклассниц, Лена, не умела держать не только ручку, но и карандаш. Как девочка ни старалась, вместо палочек в тетради получались небрежные каракули. Писала она очень медленно, быстро уставала. И все это оттого, что до школы Лена не рисовала, не занималась лепкой из глины или пластилина — словом, не делала тех упражнений, которые укрепляют мышцы пальцев. Мать сердилась на Лену:

— Не пущу гулять, пока хорошо не напишешь!

Но у девочки все равно ничего не получалось, и она заливалась горькими слезами над раскрытой тетрадью. От первых неудач исчезал интерес к учению, вера в свои силы. Вот и попала в первом полугодии Лена в число отстающих.

Этого не случилось бы, если бы мама Лены знала, что с будущим первоклассником обязательно нужно заниматься раза два-три в неделю по полчаса. С детьми, которые ходят в детский сад, занимаются воспитатели, а тем, кто растет дома, должны уделять внимание в семье.

Постепенно надо приучать малыша к чтению, знакомя его со звуками и буквами. Не следует, конечно, ставить за-

дачу изучить все звуки и буквы алфавита.

Произнеся новый звук, покажите печатную букву, обозначающую его, и научите ее писать. Закреплять полученные знания хорошо с помощью разрезной азбуки, когда ребенок быстро отыскивает нужную букву по звуку. Только после этого можно приступать к чтению «Азбуки для школьника».

Ознакомление детей с буквами алфавита без упражнений в выделении слогов и звуков в слове приучает к побуквенному чтению. Тогда ребенок читает отрывочно, искажая слова. Это неизбежно скажется в дальнейшем на грамотности школьника: при письме он будет пропускать буквы, не дописывать окончания слов.

Приступая к знакомству со счетом, нужно помнить, что для малыша не существует отвлеченных понятий. Он мыслит образами, основываясь на том, что сам видит, ощущает, слышит. Поэтому при обучении необходима наглядность. Хорошо поступают те родители, которые до школы учат детей решать маленькие житейские задачи.

Колхозница Ольга Алексеевна делала это так.

— Зина, пойди выдерни для супа две морковки,— говорила она дочке.

Девочка охотно бежала на огород, выдергивала две морковки, несла матери.

— Ах, доченька,— говорила мать,— а ведь, пожалуй, двух будет мало, пойді принеси еще три.

Потом Ольга Алексеевна спрашивала:

— Сколько же ты всего нарвала?

Зина раскладывала морковки, считала и пересчитывала их.

— Мама, я нарвала пять морковок! Однажды Ольга Алексеевна сказала:

— Дочка, сегодня у нас будут гости: тетя Женя с Павликом и дядя Гриша. Накрой на стол.

Зина ставит, как всегда, три чайных прибора: для мамы, папы и для себя. Но она соображает, что теперь ей надо поставить еще три — всего шесть приборов.

На подобных задачках лучше всего учить детей считать в пределах десяти, этого для дошкольника вполне достаточно.

Готовя детей к школе, нельзя забывать и о рисовании: упражнения с карандашом развивают мышцы пальцев. Взрослые могут научить дошкольника различать цвета, рисовать с натуры овощи, фрукты, грибы, цветы и другие несложные по форме растения и предметы. Но, к сожалению, многие родители на рисование смотрят, как на развлечение: пусть, мол, ребенок рисует что хочет и как хочет. Такие родители забывают, что рисование развивает наблюдательность, воспитывает вкус.

Но бывает, что иные папы и мамы, стараясь как можно лучше подготовить ребенка к школе, перегружают его занятиями, особенно перед началом учебного года. У них дети по несколько часов сидят над букварем, пишут буквы, цифры. Малыш утомляется, нервничает и даже плачет. От таких «занятий» пользы мало. Ребенок с тоской думает, что и в школе ему подолгу придется писать эти противные палочки и крючочки. А когда же играть? И начинает малыш всячески избегать занятий: хитрит, прикидываясь больным или прачася у товарищей, сочиняет небывлицы, лишь бы родители не усадили за книжки.

Перегрузка дошкольника заметно сказывается потом и на учебе в школе. Такой первоклассник плохо, а то и совсем не выполняет домашних заданий. Не смущаясь, он говорит учителю:

— Забыл, какие делать уроки.

Родителям:

— Сегодня нам ничего не задали.

Говоря о подготовке ребенка к школе, нельзя забывать и о трудовом воспитании. С детства надо приучать малыша к труду, аккуратности и чистоте. Хорошо, если труд станет для него радостью и постоянной потребностью. Шестилетний дошкольник должен самостоятельно одеваться, причешиваться, умыть, убирать за собой. И семье он может стать маленьким помощником. Вымыть посуду, подмести пол, накормить кур, вместе с бабушкой или другими старшими прополоть грядки — все это малыш будет делать с интересом и удовольствием.

Правильно поступают те учителя, которые заранее знакомят шестилеток со школой. Несколько раз я бывала в Мавринской начальной школе, Подольского района, Московской области, и замечала, как много внимания уделяет своим будущим ученикам-первоклассникам учительница Вера Константиновна Панфилова. Малыши вместе со школьниками украшают новогоднюю елку, веселятся на утренниках, трудятся на пришкольном участке, на совхозном поле. Конечно, невелика их помощь, да не в этом дело: просто важно до поступления в школу приучить ребенка жить интересами школьного коллектива.

М. СТЕПАНОВА,
учительница

Фото М. МИРЗОРАХМАТОВА.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ

Передко супруги по той или иной причине не хотят появления ребенка. Слишком частые, следующие одна за другой беременности истощают организм матери, ослабляют его. Искусственное прерывание беременности, аборт, тоже не безвредно для здоровья. А при некоторых тяжелых заболеваниях женщине вообще не следует рожать.

Как предохраниться от беременности?

На этот вопрос отвечает научный сотрудник Института акушерства и гинекологии Министерства здравоохранения РСФСР И. С. РОЗОВСКИЙ.

Есть две основных группы противозачаточных средств: механические, которые задерживают поступление в полость матки семенной жидкости, и химические, губительно действующие на последнюю.

Механические средства применяют как мужчины, так и женщины.

Мужское средство, презерватив, надевают так, чтобы слепой конец оставался свободным; сверху смазывают борным вазелином. Иначе он может порваться. Если же это произойдет, то необходимо немедленно произвести спринцевание раствором либо борной кислоты (столовая ложка на литр кипяченой воды), либо мергантивоксидного калия (розовый раствор), уксуса (половина столовой ложки на литр воды), лимонной кислоты. Температура раствора — 34—36 градусов.

Надежными женскими предохранительными средствами являются металлические или резиновые колпачки, которые надеваются на шейку матки. Женщина должна обратиться к врачу или акушерке за советом, как их применять. Этими средствами нельзя пользоваться при заболевании женских половых органов.

Имеются также резиновые колпачки, которые не надеваются на шейку матки, а просто закладываются во влагалище. Но опять-таки надо обратиться к медицинскому работнику, который поможет подобрать нужный размер колпачка и покажет, как его употреблять.

К химическим противозачаточным средствам относится ниноксептин, две таблетки которого, предварительно смоченные водой, вводятся во влагалище минут за пятнадцать до акта. Применяется также грамицидиновая паста; ее на ватном тампоне вкладывают во влагалище. Лучше сочетать механические и химические средства. В частности, хорошо применять влагалищный резиновый колпачок, смазанный с внутренней стороны грамицидиновой пастой.

Зачатие больше всего возможно примерно в середине периода между менструациями, когда в организме выделяется яйцеклетка. В это время надо быть особенно осторожной.

Реже наступает беременность непосредственно перед менструацией и в первые дни после нее. Но и в это время зачатие не исключено.

Некоторые женщины считают, что если они будут очень долго кормить ребенка грудью (иногда больше года), то предохранят себя от беременности. Однако зачатие порою наступает через четыре-пять месяцев после родов, если даже мать кормит ребенка.

Не предохраняет от беременности и прерванное половое сношение. К тому же оно приводит к серьезным нервным расстройствам обоих супругов: появляются боли в животе, пояснице, ногах, иногда начинается воспалительный процесс в женских половых органах, снижается половое чувство. Это же может стать причиной половой слабости мужчины.

ТАТАРСКИЕ БЛЮДА

Издавна славится татарская кухня. Приготовленные по ее рецептам блюда питательны, своеобразны по вкусу и набору продуктов.

Особенно хороши национальные изделия из теста. Рецепты двух из них мы предлагаем вашему вниманию.

ГУБАДИЯ С МЯСОМ

Обычное дрожжевое или пресное тесто раскатать на круг, размером чуть больше сковороды. Положить его на смазанную маслом сковороду и сверху тоже намазать. Ровным слоем положить на тесто отварной рис или пшено, затем пропущенное через мясорубку и поджаренное мясо с луком. На мясо снова положить слой каши, далее слой урюка, изюма или чернослива, и все это еще раз накрыть слоем отварного риса или пшена. Все начинку обильно полить маслом.

Начинку накрыть тонким слоем теста и хорошенько зацепить края губадии. Перед тем, как посадить губадию в печь, нужно смазать ее сверху маслом и посыпать сухарями.

Выпекать в печи при средней температуре 1—1,5 часа. Готовую губадию нарезать кусками и подавать в горячем виде.

ЗЧПОЧМАК

Для зчпочмака берется обычно дрожжевое тесто, но можно пользоваться и пресным.

Жирную баранину, говядину или телятину нарезать кусками величиной с лесной орех. Такими же кусками нарезать и картофель. Перемешать его с мясом, откинуть на сито, дать стечь соку. Затем положить лук, поперчить, посолить по вкусу.

Тесто нарезать ровными кусками весом в 100 г, скатать из них шарик, который разровнять в виде лепешек величиной с чайное блюдце. На лепешки положить приготовленную начинку, приподнять с трех сторон края теста и зацепить их, оставив в середине отверстие. Получится треугольник. Готовые зчпочмаки положить на смазанный маслом противень, смазать их сырым яйцом и посадить в печь. Через полчаса их нужно вынуть, налить в отверстие бульон и снова посадить в печь. Держать там еще полчаса.

Очень вкусные зчпочмаки получаются с жирным гусем или уткой. Перед подачей на стол в зчпочмаки снова вливается горячий бульон и верх смазывается маслом.

П Я Т Н А

...от молока на цветных шерстяных тканях выводят глицерином. Пятно пропитывают глицерином, подогретым до 35 градусов, и, подержав так 10 минут, смывают водой с мылом. Затем вещь полощут сначала в теплой, затем в холодной воде, слегка отжимают и сушат.

...от растительного масла и консервов в масле нужно обязательно чистить, пока они свежие. Пятно тут же посыпают зубным порошком, втирая его так, чтобы масло впиталось; счищают порошок и вновь посыпают пятно. Когда порошок уже не впитывает масло, вещь оставляют на несколько часов, а затем удаляют мел щеткой. Если пятно не исчезнет, нужно втереть в него сверху и снизу тесто из картофельной муки, замешанной на очищенном свиномаре или бензине. После того, как тесто засохнет на ткани, вобрав в себя масло, его стряхивают, а остатки счищают щеткой.

...от красного вина нужно прежде всего прицепить мелкой сухой солью; она вберет в себя часть влаги и не даст пятну расплываться. Можно также положить на свежее пятно промокающую бумагу. Пятно надо как можно скорее простирать в чистой холодной воде, добавив чайную ложку нашатырного спирта на литр воды. Для стирки не обязательно снимать скатерть — можно замочить пятно в глубокой тарелке.

Пятна от красного вина выводят также перекисью водорода, после чего вещь прополаскивают и вывешивают на солнце. Можно применить и такой способ: намазать пятно смесью глицерина с яичным желтком, оставить на несколько часов, а потом промыть в теплой воде.

«Полезные советы», изд. «Московский рабочий», 1960 год.

Первая страница обложки работы В. ГОРТИНСКОГО.

На четвертой странице обложки фотоэтид В. ГИППЕНРЕЙТЕРА.

Оформление номера В. ГОРТИНСКОГО.

Технический редактор С. СУРОВЦЕВА.

К этому номеру дается бесплатное приложение — «Школа вязания», урок первый, — и чертежи выкройки детской одежды.

Главный редактор — Е. И. ЛЕОНТЬЕВА. Редакционная коллегия: Н. А. ЕМЕЛЬЯНОВА, И. А. КОБЧИКОВА, О. П. КОЛЧИНА, П. Н. ПИНКИСЕВИЧ, Л. Е. ПИШЕНИНА, В. Е. СОКОЛОВА (зам. главного редактора), Е. И. УШАКОВА, М. С. ШАГИНЯН, А. Т. ШАПОВАЛОВА (отв. секретарь).

Адрес редакции: Москва, А-47, Ленинградский проспект, улица «Правды», 24.

№№ телефонов: Д 3-35-35; Д 3-39-48.

А 00227. Подп. к печ. 24/II 1962 г. Тираж 3 200 000 экз. Изд. № 8. Заказ № 3380. Формат бум. 60×90¹/₄, 2,75 бум. л.—5,5 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФОНДА РСФСР

МОСКВА 1957

ПЛАТЬЕ-ХАЛАТ
 Модель № 501, длина 46, рост 152
 Расход ткани—2,5 м, при ширине 140 см
 Модель В. Кулишова. Конструктор
 С. Селиванова.
 На образцы ткани прилагаются выкройки

ВЫКРОЙКА

СЗДО П-157

Многие женщины хотят приобрести выкройки новых фасонов одежды. Комплекты таких выкроек высылают налоговым платежом московский магазин № 93 «Книга—почтой». Комплект состоит из 10—12 выкроек в натуральную величину. Пользуясь ими, каждая женщина может сама выкроить и сшить новую вещь или обновить, изменив фасон, устаревшую. Цена комплекта — около трех рублей.

Выкройки комплектуются по размерам:

- 1-я группа — размер 44—46
- 2-я » » 48—50
- 3-я » » 50—52
- 4-я » » 54—56

Заказы направляйте по адресу: Москва, В-168, 5-я Черемушкинская, 14. Оплата производится в местном почтовом отделении при получении бандероли.

РЗФ

Модель № 577, длина 38, рост 152
 Комплект из длинной юбки и короткого жакета
 из шерсти. Состоит из выкроек юбки, жакета, пояса, рукавов, воротника и вышивки. Расход ткани на юбку—2,5 м, при ширине 140 см. Расход на жакет—1,5 м, при ширине 140 см. Модель В. Кулишова. Конструктор С. Селиванова.
 На образцы ткани прилагаются выкройки

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ВЫКРОЙКИ
 ГОРОДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ И РЕДАКЦИИ
 МАГАЗИНА № 93
 Москва, В-168, 5-я Черемушкинская, 14

РЗФ

Модель № 515, длина 46, рост 152
 Длинное платье с поясом
 из шерсти. Состоит из выкроек юбки, жакета, пояса, рукавов, воротника и вышивки. Расход ткани на юбку—2,5 м, при ширине 140 см. Расход на жакет—1,5 м, при ширине 140 см. Модель В. Кулишова. Конструктор С. Селиванова.
 На образцы ткани прилагаются выкройки

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ВЫКРОЙКИ
 ГОРОДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ И РЕДАКЦИИ
 МАГАЗИНА № 93
 Москва, В-168, 5-я Черемушкинская, 14

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ВЫКРОЙКИ
 ГОРОДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ И РЕДАКЦИИ
 МАГАЗИНА № 93
 Москва, В-168, 5-я Черемушкинская, 14

Цена номера 10 копеек

70434